

Г. СКРЕБИЦКИЙ

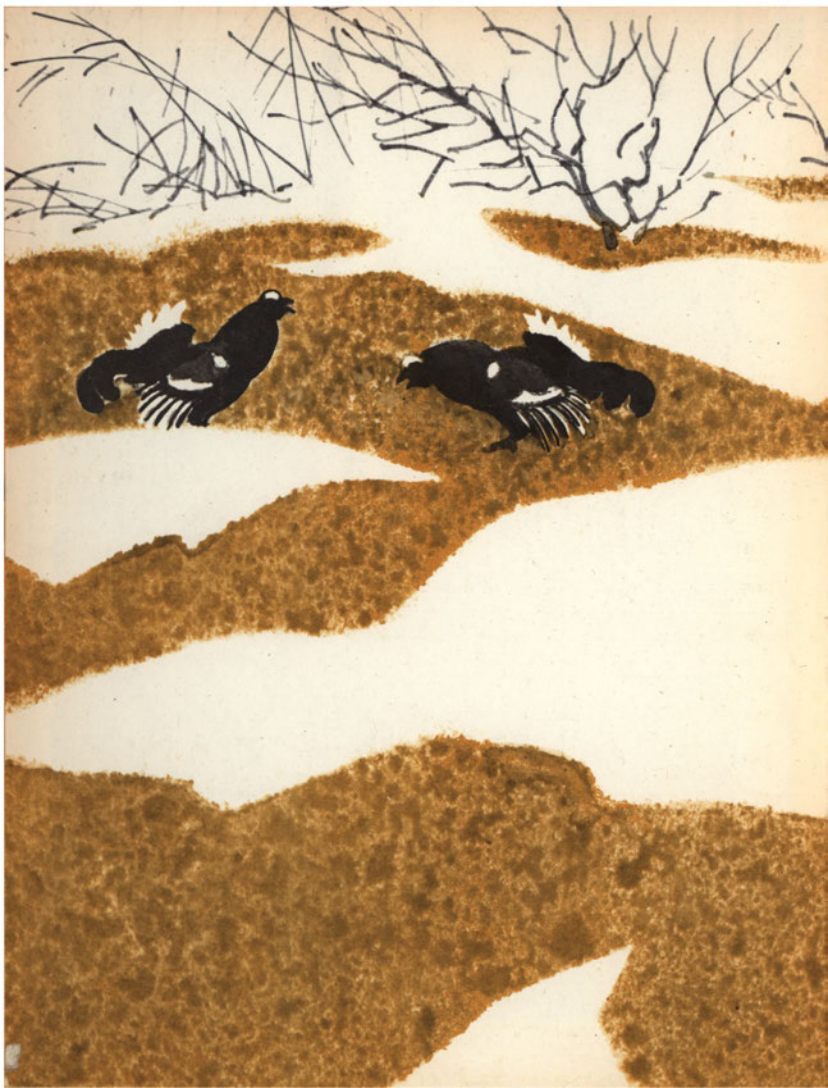

ВЕСЁЛЫЕ РУЧЬИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Цена 34 коп.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. Скребицкий
ВЕСЁЛЫЕ РУЧЬИ

РАССКАЗЫ
И СКАЗКИ

*Рисунки
А. Келвинникова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва · 1969

Дорогие ребята!

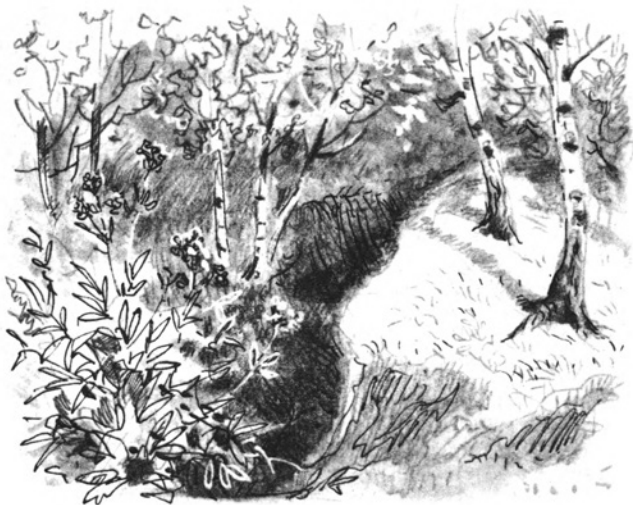
Рассказы, напечатанные в этой книге, написал Георгий Алексеевич Скребицкий. Он, как и многие из вас, очень любил природу. Ещё мальчиком, он часто ходил в лес, наблюдал за всякими зверюшками, слушал птиц, воображал себя смелым охотником.

Эту любовь к родной природе, к просторам её полей, к берёзовым перелескам, к тихим омутистым речкам он пронёс через всю свою жизнь. Во все времена года он умел найти что-то удивительно прекрасное. Но особенно он любил весну, с её тихим шелестом лесов, со звонким говором весёлых ручьёв и свежестью весенних красок.

Много забавных историй, интересных приключений происходило с ним и его друзьями во время прогулок по лесу, на охоте, на рыбной ловле. Всем, что ему удалось увидеть и услышать, он решил поделиться с вами, своими читателями.

Напишите нам, понравились ли вам эти рассказы. Пишите по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

Рисунки А. КЕЛЕЙНИКОВА

ЧЕМУ НАУЧИЛА СКАЗКА

Одно из первых стихотворений, которое в детстве я знал наизусть, была «Песнь о вешем Олеге».

С этим стихотворением связано много воспоминаний. Прежде всего мы с братом Серёжей его обычно читали вслух, когда приходили гости. А иногда вечером, если папа не уходил к больным и был в хорошем настроении, он подсаживался к роялю, храбро, хотя и не очень умело, брал аккорд и начинал вполголоса напевать эту же песнь. Серёжа и я являлись на помощь и дружно подхватывали.

В исполнение любимой вещи мы все трое старались вло-

жить как можно больше души и страсти. Наши голоса звучали всё громче и всё грознее, совсем заглушая аккомпанемент.

Частенько в самый трагический момент, когда Олег упрекает кудесника: «...Ты лживый, безумный старик! Презреть бы твоё предсказанье!» — в комнату торопливо входила мама. Она указывала на открытое окно и с испугом говорила: «Алексей Михайлович, Алексей Михайлович, ради бога потише, ведь подумают, что у нас пьяные дерутся!..»

Но мы не сдавались. Пусть думают, что хотят.

«Песнь о вещем Олеге» продолжала звучать так же громко и так же воинственно.

Я очень любил эту вещь, в особенности за таинственность её слов, многие из которых совершенно не понимал. Что такое «вещий», или «неразумным хозарам», или «обрёк»? Даже самые обычные слова здесь воспринимались мной в каком-то совершенно новом, совершенно особенном смысле. Так, например, я приходил в восторг от непонятого выражения «за буйный набег». Я знал слово «буйный». А уж «забуйный» — это, наверное, что-то особенно сильное, отважное и удалое.

Вся песня была таинственна, непонятна и именно поэтому мне ещё больше нравилась.

Однако лучше всего, конечно, то самое место, где «из мёртвой главы гробовая змея шипя между тем выползала...»

До сих пор помню, как в этом месте холодные мурашки пробегали у меня по спине и я украдкой заглядывал за рояль, не покажется ли из тёмного угла роковое чудовище.

Однажды я спросил Серёжу, как он думает: в каждом ли конском черепе, которые валяются по канавам, живёт гробовая змея? Серёжа ответил утвердительно.

Это открытие было жутко, но увлекательно. Посоветовавшись, мы решили выгнать змею из её убежища, защемить деревянной рогатиной и принести в подарок Михалычу.

И вот в первый погожий день, как только Серёжа пришёл из школы, мы вооружились рогатинами и отправились в опасное путешествие. Дома сказали, что идём играть к товарищам.

За городом всё уже зеленело. По склону оврага цвела че-

рёмуха. Бабочки, пчёлы, жуки кружились возле мохнатых веток. А как хорошо пахло от этих цветущих кустов, от свежей травы, от молодых, едва распутившихся листьев!

Как звонко откуда-то с высоты разливались песни жаворонков!

Но нам с Серёжей было не до цветов и не до песен. Мы осторожно пробирались по склону оврага, среди зарослей молодых лопухов и крапивы.

Где же конские черепа? Казалось, раньше они валялись повсюду, в каждой канаве, а вот теперь, когда надо, нет ни одного.

Наконец у самого дна оврага я заметил белевший череп. Он почти целиком был укрыт листьями лопуха. Череп лежал на земле, оскалив зубы и глядя на нас чёрными впадинами пустых глазниц.

На дне оврага было сыро и темновато от густо разросшихся кустов бузины. Где-то в ветвях тревожно застрекотали сойки, предупреждая нас о грозящей опасности.

Дрожь и подбадривая друг друга, мы приближались к таинственному обиталищу гробовой змеи.

— Давай бросим сначала камень, — сказал Серёжа.

— Давай.

Камень стукнулся о голую кость. Мы взяли рогатины наизготовку. Но змея не появлялась.

— Затаилась, — прошептал Серёжа. — Бросим ещё один. Бросили. Опять ничего.

Понемногу осмелев, мы подошли поближе к черепу и наконец решили копнуть его концом рогатины. Серёжа первый подцепил палкой за челюсть, сдвинул череп с прежнего места. И вдруг из-под зелёного лопуха показалось что-то тёмное, изогнутое...

— Змея!

Мы отскочили прочь.

Но тёмный крючок не двигался, не нападал на нас.

— Да это рог! — приглядевшись, воскликнул Серёжа. — Коровий рог!

Вот так сюрприз! Значит, и череп был совсем не коня, а коровы. В зарослях лопухов рога-то мы сразу и не заметили.

Всё было ясно: в коровьем черепе гробовая змея, конечно, не должна водиться.

Так бесславно кончилось наше первое путешествие, наша первая охота за гробовой змеей.

Однако эта неудача не заставила нас с Серёжей упасть духом, мы все не успокоились и продолжали поиски конских черепов.

Череп мы нашли, но, увы, ни в одном из них гробовой змеи так и не оказалось.

Ну и что ж? Не беда! Пусть гробовая змея обитала только в одном-единственном черепе, на который так неосмотрительно наступил злосчастный Олег, пусть так, но от этого наши поиски не стали менее интересны.

Мы с Серёжей воображали себя отважными охотниками, ловцами ядовитых змей. С самого утра мы отправлялись на поиски, лазили по канавам, оврагам, продирались сквозь колючие заросли шиповника. К полудню солнце начинало уже припекать, обжигало шею и спину. Но в кустах долго ещё сохранялась утренняя прохлада, и капли росы, словно круглые прозрачные жучки, сидели на листьях, на розовых лепестках цветов.

Тронешь ветку, и «капля-жучок» вмиг оживёт, побежит по ней, покатится вниз, прыгнет в траву, сверкнув напоследок золотым огоньком.

Но вот заросли кончились. Впереди лужайка. Она вся в цветах. Тут и синие колокольчики, и красный клевер, и розовая полевая гвоздика... Особенно хороши ромашки — большие, глазастые, с золотой сердцевинкой и белоснежными лепестками. Они тянутся к солнцу и сами похожи на золотое солнышко; сотни, тысячи крохотных солнышек здесь на земле, совсем рядом с нами.

Цветы на земле среди густой зелёной травы, и «цветы» над землёй, в воздухе, — целый рой порхающих бабочек с крылышками, как яркие лепестки, пёстрые крапивницы, перламутровки, адмиралы, тёмно-бурые, почти чёрные траурницы с белой оторочкой на крыльях, жёлтые лимонницы и скромные, как голубые фиалки, мотыльки.

Мотыльков особенно много около луж. Они садятся на бережок и сидят стайками у самой воды.

А в воде своя особая жизнь: по гладкой поверхности лужи, будто по твёрдому льду, носятся взад и вперёд длинноногие водомерки, бегают по воде и не тонут.

Вот вынырнул из глубины подышать чёрный жук-плавунец; а паук-водолаз, наоборот, ныряет в глубину, унося с собой пузырёк воздуха для своего подводного колокола.

Всюду, в воздухе, на земле и в воде, кипела жизнь, жизнь, похожая на чудесную сказку.

И вот, бродя в поисках гробовой змеи, я невольно следил за нею.

Можно ручаться, что, создавая свою легенду, Пушкин никогда не мог и помыслить, что она сослужит когда-нибудь столь странную службу — заставит двух ребят искать таинственных обитателей черепов и попутно знакомиться с жизнью природы. Но именно так и случилось: «Песнь о вещем Олеге» дала первый толчок моим наблюдениям над миром природы; мало того, она сразу же придала им всю прелесть чего-то таинственного и прекрасного. Живая природа и чудесная сказка слились в моей душе воедино и, помимо сознания и воли, уже заранее предначертали весь мой дальнейший жизненный путь.

Наверное, в те самые дни, когда я с замиранием сердца разыскивал по заросшим канавам конские черепа и старался выгнать из них роковое чудовище, именно тогда-то бесповоротно решилась моя судьба. Сказка Пушкина показала мне окружающий мир через волшебное стёклышко красоты и поэзии, она подружила меня с природой и с творческим вымыслом, заставила всей душою поверить в них и служить им всю мою жизнь.

ДЛИННОХВОСТЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Это было в самом начале весны.

В лесу под деревьями ещё лежал снег, но зато на открытых местах уже темнели первые проталины.

Древесные почки начали надуваться, и от этого ветки кустов и деревьев казались не такими голыми, как зимой, а чуть-чуть мохнатыми. Кругом в вершинах деревьев на разные голоса распевали овсянки, синицы, и где-то вдаль отбивал барабанную дробь лесной барабанщик — дятел.

Мы с сыном шли по тропинке, прислушиваясь к голосам весеннего леса.

Вдруг слышим — впереди нас застрекотали сороки, да тревожно так, словно что-то заметили.

Вышли мы из-за кустов на лужайку. Смотрим — и понять ничего не можем, что там происходит. По лужку взад-вперёд мечется заяц, а около него — две сороки: то взлетят, то на землю сядут. Заяц на них так и насакивает. Только какая-нибудь близко подлетит, он — прыг! — прямо к ней, норовит передними лапами ударить.

Отлетит сорока, а вторая уже сзади подлетает. Обернётся заяц и на ту бросится. Глядим мы и никак не разберём, кто же на кого нападает.

Стали подходить ближе. Заметил нас заяц и поскакал в лес. Сороки тоже прочь полетели. Летят, а сами стрекочут: видно, очень не хочется им улетать.

Подошли мы к тому месту, где сороки с зайцем дрались. Вдруг видим — прямо под ногами лежит в ямке маленький серый комочек.

Да ведь это зайчонок! Совсем крошечный, только недавно родился.

Тут мы и поняли, почему заяц на сорок нападал. Это зайчиха своего детёныша так храбро защищала. Значит, неверно говорят, что заяц — трусишка.

Взяли мы зайчонка, отнесли в ближайшие кусты, куда зайчиха только что ускакала, и посадили под самый кустик.

Мать его там непременно найдёт. Звери постоянно своим же следом назад возвращаются. Побежит зайчиха обратно и наткнётся на него. А сорокам зайчонка в кустах ни за что не найти.

Вышли мы обратно на лужайку. Глядим — сороки уж опять на том же месте вертятся. Прыгают, к земле приглядываются, зайчонка ищут. Вот ведь какие! Разбойники, да и только.

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

Я отправился за город в лес, поглядеть, заметно ли там приближение весны, а кстати и осмотреть места прошлогодних тетеревиных токов.

День был солнечный. В городе сильно таяло. Но я всё-таки захватил с собой охотничьи лыжи. Лыжи у меня не простые. Я привёз их из экспедиции с далёкого севера. Они широкие и снизу подбиты лосиными шкурами. На таких лыжах и в оттепель ходить можно — снег не подлипает.

Приехал я на маленький полустанок, надел лыжи — и прямо в лес. Хорошо, очень хорошо в нём в эту предвесеннюю пору. Весна чувствуется ещё только в воздухе. Солнце так и слепит глаза. Небо уже по-весеннему голубеет, и по нему, как льдинки в весенний разлив, плывут лёгкие белые облака. Небесный ледоход уже тронулся, а земля всё ещё покрыта льдом и снегом. Деревья и кустарники тоже в снегу, совсем по-зимнему.

Я шёл по лесной тропинке, глядя по сторонам. Вот и широкая поляна, где каждую весну токует тетерева. А сколько здесь заячьих следов! Весь снег истоптан. Теперь зайцы нередко разгуливают и днём: выскочат на полянку и греются на солнышке.

А вот и ещё один признак приближающейся весны: около старого пня, на самом солнцепёке, уже виднеется крошечная проталинка. Я наклонился и стал осматривать этот первый клочок оттаявшей земли.

Он был покрыт серой прошлогодней травой. Среди неё копошились какие-то жучки. Они проспали всю зиму под корой старого пня или под опавшими листьями и теперь выбрались на проталинку.

Я сел на пенёк отдохнуть. Кругом было тихо, только где-то далеко в лесу, как серебряный колокольчик, звенел голосок синицы — первая песня весны.

Вдруг среди лесной тишины я ясно услышал хруст снега и шум раздвигаемых веток. Кто-то с трудом продирался сквозь чащу березняка. Но кто же это? Человеку незачем ходить по таким местам. Охотник и тот не пойдёт теперь в лес. Зимняя

охота уже кончилась, а весенняя ещё не началась. Наверное, какой-нибудь лесной зверь. Я затаился.

Шаги и треск сучьев слышались всё ближе, ближе. И вот из чащи березняка, у самой полянки, показалось что-то большое, тёмное. Неужели лошадь? Зачем же она забрела сюда? Но в тот же миг я ясно увидел, что это не лошадь, а огромный лесной бык — лось. Он вышел из мелколесья на полянку и, высоко подняв голову, огляделся.

Я сидел не шевелясь. Ветер дул в другую сторону, так что осторожный зверь не мог меня учуять.

Как он был хорош, весь освещённый весенним солнцем, на белом фоне березняка! И какой своеобразный облик у этого лесного гиганта! Длинная горбоносая морда, огромные, как вывороченные корни, рога. Сам такой тяжёлый, грузный, а

ноги высокие, стройные, точно у скакового коня. И какая окраска шерсти — весь тёмно-бурый, а на ногах словно белые, туго натянутые чулки.

Лось постоял секунду, чутко прислушиваясь. А потом широко зашагал по краю полянки, как-то странно поматывая головой, будто стараясь что-то сбросить.

Впереди густо росли несколько уже довольно толстых берёзок. Лось не обошёл их, а полез между стволами, всё так же мотая головой. И тут я увидел, что один рог у него вдруг отломился, да так и застрял, качаясь в ветвях. Из березняка лось вышел только с одним рогом и, не торопясь, скрылся в лесу.

Вот почему он так странно мотал головой, словно стряхивал что-то. Это лесной великан сбрасывал свой головной убор. Только поздно что-то собрался, ведь лоси ещё зимой рога сбрасывают. А за лето у них вырастут новые, больше прежних, с новыми отростками. По числу этих отростков охотники и узнают, сколько лось может быть примерно лет.

Когда лось совсем скрылся за деревьями, я подошёл к берёзам, вытащил из ветвей сброшенный рог и, захватив с собой, отправился обратно на станцию.

Весь вагон сбежался глядеть на мою находку. Все охали, ахали, вертели лосиный рог в руках. А какой-то старичок пощёлкал по нему пальцем и сказал:

— Это лось зимнюю шапку ломает, с весной здороваётся.

ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША

Как-то раз пастухи поймали лисёнка и принесли его нам. Мы посадили зверька в пустой амбар.

Лисёнок был ещё маленький, весь серый, мордочка тёмная, а хвост на конце беленький. Зверёк забился в дальний угол амбара и испуганно озирался по сторонам. От страха он даже не кусался, когда мы его гладили, а только прижимал уши и весь дрожал.

Мама налила ему в мисочку молока и поставила тут же рядом. Но напуганный зверёк молоко пить не стал.

Тогда папа сказал, что лисёнка надо оставить в покое — пусть оглядится, освоится на новом месте.

Мне очень не хотелось уходить, но папа запер дверь, и мы ушли домой. Был уже вечер, скоро все легли спать.

Ночью я проснулся. Слышу, где-то совсем рядом твякает и скулит щенок. Откуда же, думаю, он взялся? Выглянул в окно. На дворе уже светало. Из окна был виден амбар, где находился лисёнок. Оказывается, это он так по-щенячьи скулил.

Прямо за амбаром начинался лес.

Вдруг я увидел, что из кустов выскочила лисица, остановилась, прислушалась и крадучись подбежала к амбару. Сразу твяканье в нём прекратилось, и вместо него послышался радостный визг.

Я потихоньку разбудил маму и папу, и мы все вместе стали глядеть в окно.

Лисица бегала вокруг амбара, пробовала подрывать землю под ним. Но там был крепкий каменный фундамент, и лисица ничего не могла сделать. Вскоре она убежала в кусты, а лисёнок опять начал громко и жалобно скулить.

Я хотел караулить лисицу всю ночь, но папа сказал, что она больше не придёт, и велел ложиться спать.

Проснулся я поздно и, одевшись, прежде всего поспешил навестить лисёнка. Что такое?.. На пороге возле самой двери лежал мёртвый зайчонок.

Я скорее побежал к папе и привёл его с собой.

— Вот так штука! — сказал папа, увидя зайчонка. — Это, значит, мать-лисица ещё раз приходила к лисёнку и принесла ему еду. Попасть внутрь она не смогла, так и оставила снаружи. Ну и заботливая мамаша.

Весь день я вертелся около амбара, заглядывал в щёлки и два раза ходил с мамой кормить лисёнка. А вечером я никак не мог заснуть, всё вскакивал с постели и смотрел в окно — не пришла ли лисица.

Наконец мама рассердилась и завесила окно тёмной занавеской.

Зато утром я поднялся чуть свет и сразу побежал к амбару. На этот раз на пороге лежал уже не зайчонок, а

задушенная соседская курица. Видно, лиса ночью опять приходила проведать лисёнка. Добычу в лесу ей поймать для него не удалось, вот она и залезла к соседям в курятник, задушила курицу и принесла своему детёнышу.

За курицу папе пришлось заплатить, к тому же здорово досталось от соседей.

— Убирайте лисёнка куда хотите, — кричали они, — а то с ним лиса всю птицу у нас переведёт!

Делать было нечего, пришлось папе посадить лисёнка в мешок и отнести назад в лес, к лисьим норам.

С тех пор лиса в деревню больше не приходила.

БЕЛЫЙ КОРАБЛИК

Моё любимое время года — весна, только совсем не такая, когда зазеленеет трава и на деревьях распустятся листья, нет, я люблю самое начало весны.

Вот по ложбинкам побежали, забулькали ручейки, раскис-

ли дороги, и по ним важно разгуливают чёрные, белоносые грачи. Вот в полях, по буграм, на припёке показались первые проталины, запели над ними жаворонки. Это и есть моё самое любимое время года — пробуждение земли, её первая улыбка солнцу.

Люблю в эту пору надеть не шубу, а лёгкую охотничью куртку, высокие сапоги и пойти побродить за город.

Иду, не стесняясь, прямо по грязи, по лужам, а потом сажусь где-нибудь у обочины дороги на сваленные брёвна или на кучу камней, снимаю шапку и подставляю лицо горячему апрельскому солнцу.

— Какой вы чёрный, наверное, только что с юга? — спрашивают после такой прогулки знакомые.

— Нет, юг сегодня сам ко мне приезжал, — отвечаю я.

Знакомые удивляются, не могут понять, в чём дело, ну и пусть!

А ещё знаете, ребята, что я люблю весной делать? Пускать с детворой по ручьям бумажные кораблики. Пускаю их, и вспоминается мне то далёкое время, когда я сам был таким же вот малышом. Я даже стихи написал об этом:

Опять весна, воды разлив,
И нет в помине зимней стужи.
Я вновь пускаю корабли
По ручейкам и вешним лужам.
Я снова штурман, капитан.
Мой флот — ребячьих лет наследство.
Я с ним плыву из дальних стран
В страну покинутого детства.
Как славно раннюю весной
Вести суда рукой умелой;
Журчит ручей передо мной
И вдаль несёт кораблик белый.

Да, счастливое время жизни — детство, и счастливое время года — весна. Только вспомню о них, и передо мной, как наяву, встаёт наш крохотный городок, весь залитый весенним

солнцем. Блестят окошки, крыши домов; весь городок выглядит таким нарядным, весёлым!

Зато под ногами — сплошная грязь, сплошной кисель из тающего снега, ни пройти ни проехать.

Взрослые сердятся, ругают весну, ждут не дождутся, когда же сойдёт весь снег и земля просохнет. Но для нас, ребяташек, это самое хорошее время.

Только, бывало, выбежишь из дома во двор, так и пахнёт в лицо свежим весенним духом. И какой это расчудесный дух: пахнет тающим снегом, размокшей землёй, конским навозцем и сохнувшими тёплыми крышами тоже попахивает.

От одного этого духа уже замирает сердце. Так бы и полетел над землёй прочь из города, туда, где пестреют проталинами оживающие поля. Но лететь над землёй в тёплой ватной куртке, в глубоких резиновых калошах, да ещё не имея крыльев, увы, никак невозможно. Над землёй — невозможно, зато пролететь по земле, да так пролететь, чтобы брызги кругом выше головы взвивались, это не только возможно, но просто необходимо.

Пушай и штаны, и куртка, и даже шапка на голове — всё

будет мокрым-мокро, пускай дома под вечер мама всплеснёт руками и только ахнет: «Ну и хорош, хоть выжми! — И сурово добавит: — Завтра весь день будешь дома сидеть!» Пускай случится всё это, но только потом, под вечер. А сейчас, пока так ярко светит солнце, пока кругом по канавкам журчат ручейки, времени терять нечего. Скорее за дело!

Во всех карманах уже заранее напихана белая бумага. Остаётся только аккуратно оторвать от неё четырёхугольный листочек, перегнуть его несколько раз по строго продуманному плану, потом взять за уголки — раз, два... потянул — вот и получился белый кораблик. Пустишь его на воду и любишься, как мутные волны весеннего ручейка подхватят твоё судёнышко, подхватят и понесут.

Ой, сколько радости! Бежишь рядом по грязи, стараешься не отстать от кораблика. В руках длинная палка. Ею надо вовремя ловко подправить судно, чтобы оно не наскочило на мель или на каменную скалу. Тут уж не зевай, смотри в оба, ведь ты одновременно и рулевой, и капитан. Не усмотрел, конец — судёнышко опрокинулось, его захлестнула вода. Теперь ты уже не капитан, а спасательная команда. Концом той же палки подхватываешь потерпевший аварию корабль и ловко выбрасываешь на берег. Правда, восстановить судно невозможно, его корпус совсем размок, раскис, но это и неважно. Важно, что корабль спасён, благополучно доставлен на берег. А взамен его через минуту будет готов уже другой. И снова спуск судна на воду, стремительный бег по волнам, подводные рифы, крушение. И вновь спасательная команда, не щадя сил и собственного обмундирования, спешит на помощь погибающим.

Ну разве при такой адской работе есть время думать о каких-то штанах, башмаках, калошах?! А вот мама этого никак понять не хочет и грозит, пока не подсохнут улицы, совсем из дому не выпускать. Впрочем, это только одни угрозы. За вечер, за ночь одежда высохнет и даже нагреется у жаркой печи. А мама за это же время немножко остынет от гнева и утром снова пустит гулять. Правда, перед гуляньем она берёт с меня слово, что я даже близко к ручьям и лужам не подойду.

Слово, конечно, даёшь и даже веришь сам, что его не нарушишь. Но разве удержишься перед соблазном?!

Сначала решаешь пустить только один кораблик и полюбоваться на него только издали. Потом — ещё один. А потом незаметно для себя увлечёшься — и бултых по колено в воду! Ну, тут уже всё равно, терять теперь больше нечего, да и, как говорится в пословице: «На миру и смерть красна!» Ведь все твои товарищи такие же мокрые, грязные, со всех хоть лопатую грязь скреби.

Весело пускать по весенним ручьям белые бумажные кораблики, но особенно интересно бывало удрать подальше от дома, на нижнюю улицу, к самой речке. Здесь, внизу, уже не ручьи, а настоящие потоки.

Они не журчат, а прямо режут, врываясь с брызгами, с пеной в широкий разлив реки.

Хорошо прибежать на нижнюю улицу, поглазеть на разлив, а потом запустить свой кораблик в бурный поток, несущийся прямо в реку. Одно только плохо: ни один кораблик до реки не доплывёт, сразу его потоком подхватит, перевернёт, захлестнёт волной — вот и пропал, даже спасательная команда помочь не успеет.

Только один раз, помню, совсем иначе вышло. Был у меня в кармане листочек бумаги, поплотнее других, вроде восковки. «Дай-ка, — думаю, — из него кораблик сделаю». И хочется сделать, и жалко такой материал испортить, всё равно ведь сразу кораблик водой зальёт. Подумал, подумал и всё же решил — сделаю.

Хороший получился кораблик: плотный, крепкий такой. Даже жаль его на верную гибель пускать, ну да уж будь что будет!

Пустил. Гляжу, подхватила вода мой кораблик и понесла. Кругом волны кипят, подбрасывают его, из стороны в сторону кидают. А он и не тонет, ему хоть бы что! Такой крепкий, устойчивый, только покачивается и плывёт всё дальше и дальше.

Я рядом с ним со всех ног бегу, и другие ребята за мной спешают. Но вот и конец, бежать дальше некуда, дальше река. В этом месте поток с глухим рёвом вниз обрывается.

Пропал мой кораблик!
Нет, не пропал! Перелетел на волне через страшное место — и уже на реке. Гляжу на него и глазам не верю. Поплыл мой кораблик в речную даль. Вот он всё меньше и меньше, вот уже крохотной белой точкой мелькнул и скрылся.

Ребята вокруг шумят, кричат: «Юркин корабль не потонул, в реку уплыл. Может, до самого моря теперь доберётся!».

Отошёл я тогда от ребят в сторонку и побрёл один вдоль реки. Иду, а сам на широкую водную гладь посматриваю — не видать ли где моего кораблика. Нет, нигде не видно. Значит, совсем уплыл.

Так я в тот раз к ребятам и не вернулся, а прямо пошёл домой. Мама даже удивилась:

— Что это ты так рано и даже сухой совсем? Почему такой невесёлый? Случилось что-нибудь?

Я только головой кивнул.

Мама забеспокоилась:

— Что, что случилось?

А я хотел рассказать и не смог; и вдруг — в слёзы, только твержу одно:

— Кораблик, кораблик уплыл, совсем уплыл...

Мама сразу же успокоилась и даже рассмеялась:

— Вот так несчастье! Ещё сделаешь. Я тебе хорошей бумаги дам. Ну, перестань плакать, стыдно из-за таких пустяков.

Не поняла меня мама: не бумаги мне было жаль. Я знал, что мама мне ещё лучше даст, из неё я наделаю много-много корабликов. Но только того, самого первого, который в речку, а может, даже в море уплыл, никогда не увижу.

Кораблик — герой! Пусть он был сделан из листочка самой простой бумаги. Но ведь он первый преодолел все трудности, все преграды. И вот теперь он уплыл от меня — от своего капитана — и больше уже никогда не вернётся. И от одной этой мысли я вновь был готов горько заплакать.

РАННИЕ

Весна наступила ранняя. Уже в конце февраля на полях показались проталины и по ложбинам зажурчали ручьи.

Возвращаясь из школы, Ваня спешил приготовить уроки и потом весело бежал к отцу.

— Папа, я уже всё выучил! Идём в мастерскую.

— Вот егоза, никакого покоя нет, — добродушно ворчал Пётр Михайлович.

Он вставал из-за стола, надевал ватную телогрейку и вместе с сыном шёл, минуя лужи, через оттаявший двор в небольшую пристройку, которую они оборудовали под столярную мастерскую.

В мастерской стоял самодельный верстак, по стенам на полках лежали необходимые инструменты — рубанки, стамески, молотки, а в углу белели обрезки досок. Вокруг них весь пол был засыпан свежими опилками и стружками. Тут особенно хорошо пахло смолой, будто в лесу.

Ваня отлично знал, что отец ворчит на него только для виду, а сам ждёт не дожждётся, когда, кончив работу, вернётся домой и они оба начнут что-нибудь мастерить.

Сколько дел по дому уже переделали! Скамейки, полки, даже кухонный стол — всё это их работа. Правда, мастерит в основном Пётр Михайлович, а Ваня только ему помогает. Ну и что же? В этом году он уже научился пилить, строгать и со-

всем не так уж часто попадает молотком по пальцам, когда забивает гвозди. Папа подбадривает его, говорит, что из него выйдет дельный столяр, нужно только стараться. И Ваня старается изо всех сил. Вот и сегодня: только вошли в мастерскую, Ваня скорее снял со стены пилу, достал топор, молоток.

— Ну, папа, что будем нынче делать?

Пётр Михайлович лукаво взглянул на сына:

— Сегодня, Ванюша, я ничего делать не буду, а будешь мастерить ты сам.

Ваня очень обрадовался:

— Ну что ж, я готов.

Отец достал из угла обрезки нестроганных досок и передал сыну.

— Размерь, распили их и сколоти птичий домик — скворечник.

— Папа, прежде всего доски обстругать нужно. Видишь, какие они серые, некрасивые.

— Совсем не нужно. Скворечник не должен быть выструган, не должен резко бросаться в глаза. Такой домик птиц будет только отпугивать.

Ване было немножко жаль, что не удастся сделать скворечник беленьким, нарядным, но ничего не поделаешь: папа ведь лучше знает. Мальчик взял пилу и принялся за работу. Трудился до самого вечера. Отец смотрел, поправлял, но не помогал сыну.

Наконец поздно вечером скворечник был готов. Ваня приколотил его к длинному шесту и поставил возле дома.

На другой день Ваня и Пётр Михайлович прикрутили проволокой шест к берёзе возле самого дома. Всё было в порядке, оставалось только ждать крылатых гостей.

Но долго ждать не пришлось. В конце марта, отправляясь в школу, Ваня выбежал на крыльцо. Яркое солнце слепило глаза, в лицо пахнуло свежестью и талой землёй.

В палисаднике неистово чирикали воробьи. А что это ещё за скрипящие, щебечущие звуки раздаются откуда-то сверху? Ваня поднял глаза. На берёзе возле скворечника сидел скворец. Он запрокинул головку, растопырил крылышки и что есть мочи скрипел, щебетал и свистел на разные голоса.

— Вот это здорово! — воскликнул от радости Ваня и помчался в школу сообщить товарищам важную весть.

С этого дня каждое утро, уходя в школу, Ваня останавливался на одну минутку, чтобы полюбоваться на скворушку. А днём, возвратившись из школы, мальчик поминутно выбегал на крыльцо удостовериться — тут ли скворец, не улетел ли он, не покинул ли свой домик.

Скворец был не один. С ним вместе прилетела скворчиха. Вначале обе птицы хлопотали с утра до ночи — таскали в домик прутики, пёрышки... А потом скворчиха стала появляться всё реже и реже. Большую часть времени она проводила в скворечнике, верно, устраивала там гнездо, готовилась снести яйца.

— Папа, а кошки не заберутся в наш домик? — спросил как-то Ваня.

— А ты устрой им преграду, — ответил Пётр Михайлович. — Наруби в лесу елового лапника и обвяжи им ствол бе-

рёзы: обвяжи так, чтобы колючие лапы торчали вниз. Ни одна кошка тогда на дерево не полезет.

На следующий день Ваня так и сделал.

Прошла неделя, другая. Уже на берёзе надулись почки, того гляди, лопнут. И вдруг случилась беда. Ещё ночью сквозь сон Ваня слышал, как за стеной что-то гудело и выло. А проснулся утром, глянул в окно да так и ахнул: на дворе зима. Всё кругом — земля, крыши домов — было в снегу.

Ваня сразу вспомнил о своих скворцах: как бы ещё не замёрзли.

Мальчик быстро оделся — и к отцу.

— Папа, опять зима. Наши скворушки не замёрзнут?

Пётр Михайлович покачал головой:

— Холод птицам не страшен. Другое дело: где им еду добыть? Земля под снегом, ни червяков, ни жуков не достанешь.

— А если хлеба на снег крошить?

Отец пожал плечами:

— Попробуй. Только вряд ли они будут крошки в снегу подбирать. Скорее их воробьи поклюют.

Ваня надел куртку, выбежал во двор. Резкий, холодный ветер трепал ветви берёзы. На шесте угрюмо торчал скворечник, а возле него сидели, нахохлившись, оба скворца.

Ваня взял ломоть чёрного хлеба, раскрошил, разбросал под деревом и, спрятавшись за дверь, стал ждать. Всё напрасно. Скворцы даже не пошевелились, наверное, и не заметили предложенную им еду. Как же быть? Но думать об этом уже было некогда, нужно спешить в школу.

С тяжёлым чувством брёл Ваня по улице на другой конец деревни, где находилась школа. Дорогой мальчик всё оглядывался: не слетят ли скворцы на землю? Но две тёмные точки неподвижно чернели на сучке берёзы. Ваня последний раз взглянул на них и уныло вошёл в класс.

Зима воротилась не на шутку. Третий день не отпускал мороз, и сердитый ветер гнал по полям струйки позёмки.

Все птицы попрятались кто куда. Одни грачи, как чёрные головешки, торчали у своих гнёзд в берёзовой роще.

Оба скворца тоже всё сидели на одном месте возле скво-

речника. Они будто примёрзли к своему сучку и, казалось, так ни разу не сдвинулись с места.

— Плохи дела, — качал головой Пётр Михайлович. — Пожалуй, этак помрут с голодухи. Ведь не скажешь им, чтобы на снег слетели, что там им еда приготовлена.

— Папа, а если им корм прямо в скворечник насыпать? — спросил Ваня.

— Нет, спугнёшь только, — ответил отец и, вдруг улыбнувшись, сказал: — А ты, сынок, хорошую мысль подал. В скворечник еду мы сыпать, конечно, не будем, а вот что попробуем: скотим из дощечек кормушку, положим туда хлеба, творогу, каши и подвесим кормушку к скворечнику. Может, так они скорее сообразят, что им делать.

К вечеру кормушка была готова. К ней приделали верёвки так, что она могла висеть на сучке, как люлька.

Когда стемнело, Пётр Михайлович осторожно приставил к берёзе лестницу и забрался с кормушкой на самый верх. Там он перекинул верёвку через толстый сук и укрепил кормушку под скворечником. Потом спустился на землю и нижний конец верёвки обвязал вокруг ствола.

— Понимаешь, в чём дело, — сказал он Ване, — кормушка у нас получилась подъёмная: хотим — на землю спустим, а захотим — опять кверху подтянем. Мы теперь в неё можем сыпать корм прямо с земли, не залезая на дерево, не тревожа птиц. Вот только будут ли они есть его?

Наутро отец и Ваня проснулись чуть свет, и оба сейчас же бросились к окну. На дворе было по-прежнему хмуро и холодно. Печально торчал на шесте скворечник, а под ним темнела, слегка покачиваясь, кормушка.

Но где же скворцы? Может быть, греются в домике или они улетели куда глаза глядят? А может, замёрзли?

Вдруг Ваня схватил отца за рукав:

— Папа, гляди!

Из скворечника выглянула чёрная головка. Птичка глянула направо, налево и вылетела прямо в кормушку.

— Вот это разумно, — одобрил Пётр Михайлович.

— А где же другой скворец? — забеспокоился Ваня.

— Ну, брат, теперь оба целы будут, — успокоил его отец. — Уж если еду нашли, не помрут.

И действительно, вскоре в кормушке завтракали уже оба скворца.

ЗЕЛЁНЫЙ ШУМ

Природа южных стран богаче нашей,
Цветы нарядней там и много краше.
Но мне всего милей берёзовый лесок,
Тенистый островок среди лугов и пашен.

Май — это месяц первой зелени, первых цветов, первых весенних гроз.

Помню, однажды такая гроза застала меня в далёкой лесной деревушке. Я возвращался с охоты, спешил в Углич на пароход. И вдруг — гроза, первая гроза в этом году.

Я переждал её в сенном сарае. Как только кончился ливень, я выбрался за деревенскую околицу, прямо в лес на поляну, да так и остановился. Нужно спешить, а я стою и глаз не могу оторвать от того, что вижу. Передо мной — мо-

лодой берёзовый лес, умытый дождём. Он ещё голый, без листьев. Стволы берёзок тонкие, белые, а ветви лиловые. На концах ветвей серёжки висят, а на серёжках — капли дождя.

Снизу от влажной земли пар поднимается, плывёт над поляной. А воздух, воздух какой! Тёплый, влажный, пахнет сырой землёй и горечью набухших берёзовых почек.

Я постоял, посмотрел и пошёл по лесной дороге.

Кругом по деревьям птицы поют: зяблики, овсянки, скворцы, дрозды... Вдали кукушка кукует. Каждый певец на свой манер старается. Одни звонкую трель выводят, другие свистят, третьи щебечут.

А из каждой весенней лужи слышится нежное урчанье лягушек. Вон их сколько, весёлых лупоглазых певцов. Это травяные лягушки. Они первые открывают весенний концерт. Потом, попозднее, когда вода в водоёмах хорошенько прогреется, запойут другие — водяные лягушки. Вот те уже настоящие певцы. Но такие концерты ещё впереди.

Я проходил открытые поляны, они начинали уже зеле-

нет. А по окраинам, под кустами орешника виднелись цветы медуницы, той самой медуницы, о которой вспоминает Садко, сидя в подводном дворце морского царя:

Теперь, чай, и птица,
и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний
пробившись теперь,
Синеет в лесу медуница!

Пройдя поляну, потом сухой бугорок, я спускался под гору в просторную луговину, ещё покрытую талой водой. Там, прямо из мелководья, поднимали золотые головки крупные цветы калужницы. И как они были красивы на синем фоне воды! Смотришь сверху и видишь сразу два цветка — сам цветок и его отражение. И оба одинаково чётко видны. Невольно подумаешь: какой же из них настоящий?

Миновав заросли осинника, я вышел вновь на светлые, солнечные поляны и в молодые березняки. Идти среди них было особенно легко и радостно.

Но что за чудо! В начале пути, когда я только вошёл в этот лес, ветви берёз были усеяны набухшими почками, даже признаков листьев нигде не было видно. А теперь на каждом деревце что-то слегка зеленело. Я наклонил одну из веток. Почка на ней уже лопнула, и из-под бурых чешуек высунулись нежные зелёные язычки. Мне посчастливилось быть свидетелем радостного события в жизни природы, того события, когда лес одевается в свой весенний убор.

Будто в сказке, с каждой минутой, прямо на моих глазах лес распускался и зеленел. Набежал ветерок, качнул мохнатые, нежно-зелёные ветви берёзок, и я вдруг услышал лёгкий, едва уловимый шум, не посвист ветра в голых ветвях, а именно совсем особый, похожий на сдержанный шёпот, первый шум молодой листвы.

Услышав его, я сорвал от радости с головы кепку и по-мальчишески крикнул куда-то в лесную даль:

— Здравствуй, весна! Здравствуй, зелёный весенний шум!

Было уже совсем темно, когда я пришёл в Углич на пристань.

Подвалил ярко освещённый теплоход. Я уселся на палубе и поплыл по ночным волжским просторам домой, в Москву.

Вот и всё, что случилось в этот весенний день, проведённый мною в дороге. Собственно, ничего особенного и не случилось. Почему же я решил рассказать о нём?

Я уверен, что тот, кто любит природу, сразу поймёт меня. Поймёт и оценит — что значит услышать весною в лесу первый зелёный шум.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО

Весенняя безлунная ночь.

Я выхожу из лесного кордона и сразу же погружаюсь в непроглядную тьму. Но дорога мне хорошо знакома. Я уверенно спускаюсь в низину, перехожу дощатый мостик через ручей, выбираюсь на пригорок и иду дальше по лесной дороге. Иду, руководствуясь вовсе не зрением, а догадываясь об окружающей меня местности по различным звукам и запахам.

Вот в стороне от дороги слышится вкрадчивое, ещё негромкое урчание лягушек. Значит, я прохожу мимо заболоченной низины. А дальше пойдёт сосновая грива. Как славно запахло смолой! Под ногами чувствуется не грязь, а сухая земля — песок. За сосняком начинается берёзовое мелколесье. Лёгкий ветерок доносит горьковатый и очень приятный запах набухающих, готовых раскрыться почек.

О том, что кругом мелколесье, я догадываюсь ещё по лёгкому шуму при каждом порыве ветра. Так тихо, едва слышно могут шуметь только очень молодые верхушки деревьев.

Мелколесье кончается.

Я — на большой поляне. Теперь мне надо найти здесь мой шалаш. Его я смастерил ещё накануне днём, сделал из таких же тоненьких, срубленных мною берёзок. А все щели между ветками аккуратно заткнул клоками старого сена. Оно валялось тут же, подле кустов.

Наконец я ошупью нахожу шалаш и забираюсь внутрь.

Входное отверстие я тщательно заделываю ветками и клоками сена.

Вот теперь хорошо. Теперь я могу спокойно сидеть в своей засаде и ждать рассвета.

На утренней зорьке сюда, на поляну, обязательно прилетят чёрные лесные петухи — тетерева. На это место они собираются каждую весну, чтобы попрыгать, погоняться друг за другом, померяться силами и громкой, задорной песней возвестить на весь лес о начале весны.

В моей засаде они меня не заметят, и, когда хорошо расцветёт, я сумею застрелить одного, а может, и парочку краснобровых лесных красавцев.

А пока до рассвета можно и подремать немного. Но дремать не приходится: ночью лес полон самых различных звуков. То филин заухал, то, свистя крыльями, пронеслась стая уток, а вот тоненьким голоском не то заржал, не то заверещал заяц. Только ранней весной и можно услышать голос этого робкого, молчаливого зверька.

Ночью весенний лес не замолкает ни на минуту. Ухо невольно ловит все эти странные, полные таинственной прелести звуки. Слушаешь их и стараешься угадать, кому из лесных крылатых или четвероногих обитателей они принадлежат.

Но, чу, где-то высоко в небе послышался негромкий, протяжный звук, будто там, в вышине, заблеял барашек. Это взлетел над болотистой низиной и затоковал бекас. Значит, скоро рассвет. Нужно устроиться поудобнее, положить рядом ружьё и сумку с патронами, чтобы всё было под руками.

Только я закончил необходимые приготовления, и вдруг возле самого шалаша как зашипит кто-то: «Чуфшшш...» Помолчал немного и снова: «Чуфшшш...» Вот он, желанный гость, — старый тетерев-токовик первым пришёл пешком на поляну и первым ещё до света подал голос тетеревиному сборищу, или току, как его называют охотники.

В ответ на призыв старого токовика из разных концов леса донеслось громкое чуфыканье. Тетерева начали слетаться на место тока.

Тяжёлые, крупные птицы садились вокруг моего шалаша. Я слышал их, но ничего не мог разглядеть в серой предутрен-

ней мути. Задорное чufыканье раздавалось с разных сторон. С громким хлопаньем крыльев тетерева подсакивали и перелетали с места на место. Потом они замирали и заводили звонкую воркующую трель: «Уру-ру-ру-ру... уру-ру-ру-ру...» Казалось, что вокруг меня переливаются и журчат невидимые весенние ручейки. Затем снова раздавалось чufыканье, хлопанье крыльев и поднималась какая-то возня: раззадорившись петухи начинали весёлую потасовку.

С каждой минутой становилось светлее. Теперь вся поляна казалась наполненной туманной серой мутью, и среди неё, то появляясь, то исчезая вновь, бегали, прыгали и перелетали с места на место какие-то тёмные силуэты.

Хорошо я их ещё рассмотреть не мог, но твёрдо знал, по прошлому опыту, что это тетерева.

Ещё посветлело. Я уже ясно начал различать отдельных петухов. Они распускали лирой свои чёрные, на белой подкладке хвосты и, припав к земле, долго монотонно ворковали.

А вон в стороне, у костра, с громким чufыканьем сходятся два лесных драчуна. Подступают друг к другу всё ближе, ближе, сейчас сцепятся.

Я направил на них ружьё, чтобы одним выстрелом взять сразу пару тетеревов. Но тут что-то случилось. Все тетерева разом сорвались с поляны и исчезли в лесу. Кто же спугнул их? Неужели ещё какой-нибудь охотник подкрадывается к токовищу?

Лёгкий треск сучьев заставил меня обернуться и поглядеть в сторону.

Из кустов на поляну выбирался кто-то на четвереньках. Охотник? Да нет, это вовсе не человек, а какой-то зверь. Медведь! Вот он совсем вылез из-за веток, а следом за ним выскочили два медвежонка.

В первую минуту мне сделалось как-то не по себе. Ружьё заряжено дробью на птицу, и ни одного пулевого патрона.

Но тут же я устыдился сам себя: «Какой же ты после этого натуралист, если испугался зверя в лесу, да ещё какого зверя — самого трусливого! Ведь только свистни — его уж и след простыл».

Так, подбадривая себя и держа на всякий случай ружьё

наготове, я следил из своей засады за косолапой семейкой.

Между тем мамаша с детьми вышли на полянку и занялись своими делами. Медведица начала разламывать лапами старые, трухлявые пни, засовывала морду в труху и, очевидно, выбирала оттуда разных жуков и личинок, а медвежата бегали возле матери, гонялись друг за другом и боролись, как толстые, неповоротливые щенки.

Потом один из них подбежал к матери и стал тоже тыкаться мордой в труху. Тем временем другой медвежонок отправился бродить по полянке.

Вдруг он остановился как вкопанный: очевидно, что-то заметил на земле.

Мне было очень интересно узнать, что именно увидел малыш, но я ничего не мог разглядеть.

Вот мишка приподнимается на дыбки и вперевалочку делает шаг, другой к заинтересовавшему его предмету. Потом снова опускается на четвереньки и осторожно, с опаской тянет лапу вперёд. Тронул что-то и скорее отдернул лапу прочь.

Стараясь не хрустеть сучьями, я привстал, взял лежавший рядом бинокль и поглядел в него.

Ну и потеха! Перед медвежонок на земле сидит большая лягушка. Она, видно, только недавно очнулась от зимней спячки — сидит вялая, полусонная. Медвежонок тянет к ней лапу. Лягушка делает в сторону небольшой скачок. Мишка принимает это за игру. Он тоже неуклюже подскакивает вслед за лягушкой. Так они добираются до ближайшей лужи. Лягушка прыгает в воду, медвежонок суёт туда лапу, отдёргивает, трясёт ею и с удивлением смотрит, куда же девался его новый приятель.

Постояв в недоумении возле лужи, медвежонок нехотя отходит и бредёт дальше, прямо к моему шалашу. Он уже всего в каких-нибудь пятнадцати — двадцати шагах.

Я не могу оторвать глаз — до чего он хорош! Такой с виду мяконецкий, толстый, неповоротливый... Хочется взять его и потискать, побороться с ним, как с кутёнком. Даже не верится, что это вовсе не дворовый щенок, а лесной дикий зверь.

Он подходит ко мне ещё ближе. Это уже не совсем хорошо: ну как заметит меня, испугается и закричит. Тут мамаша может броситься на защиту.

Конечно, по теории, медведя легко отпугнуть, но ведь одно дело — теория, а другое — опыт «на собственной шкуре».

Я пробую пугнуть непрошеного гостя — еле слышно щёлкаю пальцем по биноклю.

Медвежонок мигом услышал. Вот какой слух! Он поднимается на дыбки и пытается заглянуть в шалаш. Наверное, он уже заметил меня, только не может понять, кто это сидит за ветвями.

Любопытство его разбирает. Он наклоняет головку то в одну, то в другую сторону. Какая плутоватая у него мордочка! Ни дать ни взять озорной мальчишка! Кажется, сейчас скажет: «Дяденька, ты что тут делаешь?»

Постояв немного, медвежонок неуверенно делает шаг, другой в мою сторону.

Нет, это уж слишком. Так, пожалуй, он и в шалаш ко мне заберётся. Пора кончать игру.

— Кши ты! — И я захлопал в ладоши.

Эффект получился полный. Медвежонок рывкнул, чуть не перекувырнулся через голову и со всех ног кинулся к матери.

В один миг вся семейка исчезла в кустах.
Я тоже выбрался из шалаша. Вот и конец охоты. Значит, придётся домой возвращаться без дичи, пустым.
Ну и что же? Неужели такое знакомство в лесу не стоит убитого тетерева?
Конечно, стоит.

ЗДРАВСТВУЙ, ВЕСНА!

Какое утро, ширь какая!
Дымки далёких деревень...
Кругом всё искрится, сверкает,
Встречая первый вешний день...

Синеет небо, солнце светит,
Снега лучами сожжены.
Нет дня счастливее на свете,
Чем день рождения весны!

Именно вот в такое яркое предвесеннее утро я открыл примёрзшую за ночь дверь и вышел на деревянное крыльцо.

Дом, где мы с моим сыном остановились на ночлег, находился в конце деревни. Он весь, до самых окон, был завален снегом, покрытым блестящей ледяной коркой.

Вчера днём начало таять, но к вечеру вновь подморозило, ступеньки крыльца обмёрзли, а с крыши прозрачными пиками повисли вниз ледяные сосульки.

Мартовский крепкий мороз ещё не отпустил. Даже вода на крыльце, в бадейке, застыла, а сама бадья от инея сделалась белой и мохнатой.

Я сел на лавочку и огляделся. Кругом снег, всё бело, как будто совсем по-зимнему. Но это уже не зима, это самое начало весны, её первое, ещё робкое пробуждение.

Напротив нашего дома росли старые корявые вётлы. На их сучьях виднелось много грачиных гнёзд. Всю зиму они пуствовали. А вот теперь возле гнёзд чинно сидели парочками большие чёрные птицы. В это утро, пока ещё крепко морози-

ло, грачи нахохлились, распушились. Они молчали и не двигались.

Я с радостью глядел на этих красивых иссиня-чёрных птиц, первых вестников наступающей весны. Но долго глядеть на них было некогда. Вот уже мой сын Ваня, собрав все наши доспехи для зимней рыбалки, вооружившись пешней и рюкзакom, сбегает с крыльца на дорожку. Я следую за ним.

Наш путь лежит через лес к широкому заливу Волги. Ваня спешит, ему не терпится поскорее прорубить лунку во льду, опустить туда удочку и попытаться счастья.

Я, наоборот, совсем не спешу. Мне нравится куда больше самой рыбалки брести по узкой лесной тропинке среди заснеженных деревьев и кустов. Брести, наблюдая за тем, как наступает тихое предвесеннее утро.

Ваня давно уже убежал вперёд. Я остался один на один с лесом, с утром, с самим собою. Иду, останавливаясь на каждой полянке, рассматриваю следы зверьков на снегу, слушаю звонкую трескотню дятлов. Дятлы выбивают барабанную дробь, это один из первых признаков наступления весны.

Но мне хочется не только слышать, а и поглядеть, как трудится лесной барабанщик. Вот впереди нелепо торчит сухое обломанное дерево. На него уселся дятел. Я осторожно подкрадываюсь поближе. Дятел меня не видит. Он деловито передвигается вверх по стволу, потом устраивается поудобнее. Устроился, теперь всё готово, можно и начинать. Дятел откидывает назад голову и с поразительной быстротой начинает ударять — барабанить клювом по дереву: trrrrrrrrrr — далеко разносится громкий треск, похожий на протяжный скрип сухого дерева.

Я смотрю на крылатого барабанщика, смотрю и удивляюсь: голова у него так быстро мотается взад и вперёд, что мне даже страшно — как бы она не оторвалась от шеи. Но дятлу, по-видимому, хоть бы что. Он сыплет одну дробь за другой. Вот уж настоящий природный артист!

Иду дальше. Гляжу — на сучке осины уселась и поёт серенькая овсянка. «Зинь-зинь-зинь-зиинии-иии...» — старательно выводит она свою мелодичную песенку.

И непоседы синицы тоже не отстают от неё. Где-то в лесу так и куют стеклянными молоточками: «Чи-чи-кú, чи-чи-кú...»

Барабанная дробь дятла, пение синицы, овсянки, и лёгкий звон падающих с деревьев сосулек, и тихий шелест ветра в голых вершинах, всё это — первые звуки весеннего утра в лесу. Это первая песня самой весны, ещё робкая, неуверенная, но зато самая светлая, самая радостная.

Вот потому-то я и не спешу в залив на рыбалку, потому-то мне и хочется подольше побыть одному в лесу, послушать его первые робкие песни, его первый радостный разговор с весной.

Наконец лес обрывается, впереди — просвет. Тропка выводит к широкому волжскому заливу. Здесь уже не слышать голосов птиц — полная тишина. Но зато здесь настоящий праздник красок и света.

Передо мной заснеженная ровная гладь, а дальше четко виднеется кромка леса. Тут, на лесной опушке, у меня обычная передышка. Я сажусь на пенёк и смотрю вдаль на залив. Сейчас, в утреннем свете, снег совсем не кажется белым, на солнце он искристый, розоватый, а в тени — голубой. И лес на том берегу тоже всё время меняет окраску. Недавно ещё, ко-

гда на него не светило солнце, он был пепельно-сизый и вдруг сразу порозовел, весь будто затеплился, засветился. Заснеженный лес надел свою самую лучшую праздничную одежду. Да разве можно пропустить этот счастливый миг.

Но вот солнце всплывает всё выше, гасит тёплый розовый свет на земле. Теперь и снежная даль залива, и берег, и лес на нём становятся белыми, серебристыми. Такими и будут они весь день, не изменятся до тех пор, пока солнце вновь не опустится к горизонту и, прощаясь на ночь с землёй, не нарядит её в розовые и голубые одежды.

Но до этого ещё далеко, впереди ещё длинный мартовский день, который я проведу на льду на рыбалке.

Теперь скорее туда в залив, скорей бы разыскать Ваню. Во мне пробуждается страсть рыбака и нетерпеливое любопытство: что-то Ваня поймал без меня? Как было бы хорошо, если бы его ловля оказалась удачной. Нечего таить греха — его удаче я радуюсь куда больше, чем своей.

Зорко осматриваю белую гладь залива. Вдали, у противоположного берега, под самым лесом замечаю чёрную точку. Это мой сын. Далеконько забрался! Но делать нечего, придётся идти туда.

Наконец подхожу. Ещё издали вижу — около Вани на снегу что-то темнеет, конечно, рыба. Ого, сколько натаскал!

Увидя меня, Ваня улыбается:

— Скорей иди сюда. Я тебе уже лунку прорубил. Здорово клюёт.

Сажусь возле готовой лунки и беру удочку.

Мы с сыном ловим на мормышку. Мормышка — это крохотный свинцовый грузик, в который впаян крючок. Мормышка прикрепляется к концу тонкой лески, на крючок насаживается приманка — мотыль. Приманка надета. Мормышка исчезает в воде. Она увлекает за собой вниз и туго натягивает леску. Теперь надо слегка покачивать конец удилища. При этом где-то там в глубине, у самого дна, мормышка будет так же слегка покачиваться и своими движениями поддразнивать проплывающую мимо рыбу.

Но вот цель достигнута: рыба заметила приманку, схватила её, пора подсекать и тащить добычу. Обо всём этом рыбаку

даст знать очень тоненький приставной кончик удилища — сторожок. К нему-то и прикреплена леска.

Рыба только слегка коснулась приманки, а сторожок уже закивал, значит, ловец, будь начеку. Ещё секунда, сторожок клонится вниз — пора тащить. Лёгкая подсечка, и рука чувствует на леске что-то тяжёлое, живое. Оно упирается, с трудом подвигается к поверхности. Осторожнее, торопиться никак нельзя. Надо помнить, чтоловишь на очень тонкую леску, рыба может легко её оборвать. Но если тащить умело, не торопясь, — успех почти всегда обеспечен.

Мы с Ваней в этом деле не новички. То он, то я, сделал подсечку, начинаем осторожно выбирать леску. Вот в лунке показалось что-то тёмное, живое. Ещё немного усилий, и крупный полосатый окунь уже ворочается на снегу.

Как он красив, только что вынутый из воды, ещё весь мокрый, блестящий! Спина горбатая, тёмно-зелёная, почти чёрная, по бокам тоже тёмные полосы, а плавники. ярко-оранжевые, как лепестки какого-то цветка. Глаз не хочется отвести от такого красавца.

Гляжу, люблюсь, но краем глаза всё время слежу за сыном. Вот и он тоже подсек, потащил, осторожно выволакивает из лунки на снег такого же полосатого красавца.

Нет, этот, пожалуй, крупнее, граммов на триста, а то и больше потянет.

Так ловим мы до полудня. Иногда рыба перестаёт клевать, тогда сын прорубает где-нибудь неподалёку новые лунки, мы садимся к ним, а старым «даём отдохнуть». Пусть возле них рыба снова накопится.

Хорошо посидеть вот в такой солнечный предвесенний денёк на льду. Снег и лёд так блестят, что больно глазам, приходится надевать тёмные очки. Даже жарко. Я снимаю шубу, сижу в одном пиджаке. Но солнце и тут донимает.

— Папа, можно я рубашку сниму, позагораю немножко? — спрашивает Ваня.

Я соглашаюсь, и он тут же раздевается до пояса.

Забавно глядеть на него. Кругом ослепительно ярко блестит свежий, незатоптанный снег, и на его фоне живописно выделяется склонённая над лункой фигура — голая до пояса,

но зато в стёганных ватных брюках и в огромных валенках с калошами. В таком фантастическом полукостюме может очутиться только рыбак.

Мы продолжаем ловить. Днём окуни клюют хуже, чем с утра, и попадается только мелочь. Очевидно, крупная рыба в эти часы отдыхает где-нибудь на дне в подводных корягах.

Но вдруг Ваня, сделав подсечку, начинает тащить особенно осторожно.

— Папа, папа, что-то здоровое попало! — говорит он, задыхаясь от волнения. — Наверное, оборвёт.

Я бросаю на снег свою удочку и слежу за борьбой Вани с невидимой добычей. Как же ему помочь? Кажется, сам бы залез под лёд, да нельзя.

— Осторожней, не торопись, пожалуйста, не торопись! — почему-то шёпотом говорю я. — Ну, оборвётся, уйдёт, наплевать. Подумаешь, какое несчастье!

Этим я хочу смягчить огорчение сына, если рыба действительно оборвёт леску и уйдёт. Да разве можно утешить какими-нибудь словами настоящего, заядлого рыбака, если он упустил крупную рыбу. Я по себе знаю — в эти минуты пере-

живаешь такое горе, такое отчаяние, в пору хоть самому броситься в омут, вслед за ушедшей добычей.

Но, пожалуй, ещё мучительнее находиться рядом с товарищем, когда он вот-вот упустит рыбу. Просто невозможно видеть всё это и сознавать, что ты ничем не в силах помочь.

У меня от волнения даже во рту пересохло, даже кровь к вискам прилила, так и стучит, как молотками. Кажется, прошла целая вечность.

И вдруг!.. Никогда не забуду я этого «вдруг» — из лунки показывается тупорылая рыба морда. Показалась и как бы застыла на месте от удивления. В тот же миг Ваня, отшвырнув в сторону удилище, коршуном бросается прямо на лёд.

— Вот он, теперь не уйдёшь! — радостно кричит Ваня. — Теперь попался, иди-ка сюда.

С этими словами он привстаёт на колени и с торжеством поднимает вверх крупного золотистого леща.

Тяжёлая рыба всем своим плоским округлым телом как-то вяло, безжизненно обвисла вниз. Но вот лещ будто ожил, он шевельнул хвостом, трепыхнулся да так и засверкал на солнце крупной золотистой чешуёй.

Ваня бережно кладёт его на снег к ранее пойманым окуням. И какие они рядом с этим гигантом стали вдруг маленькие, невзрачные. Ваня торжествует победу. Весь сияя от счастья, он говорит мне:

— Ну как, красив?! Хорошо, что я лунку пошире вырубил, будто знал, что такой попадётся, в узкую он бы и не пролез.

— Да, это удача! — радуясь не меньше Вани, отвечаю я. — После такого великана эту мелюзгу и ловить не хочется.

И действительно, пойманный лещ как-то сразу охладил наше рвение к ловле окуней. Правда, появилась надежда, что, может, и ещё такой великан попадётся, но вместо него на крючок бойко шли один за другим мелкие окуньки. Мы решили сделать перерыв, отдохнуть и закусить.

Тот, кому не приходилось целый день просидеть на весеннем солнце, на ветерке и пережить все волнения заядлого рыболова, тот даже не представляет, как бывает вкусен слегка подмёрзший чёрный хлеб с колбасой или с сыром. А если к

этому ещё душистый тёплый чай из термоса, то это уже верх блаженства.

После обеда мы перешли на прежние утренние лунки. Окуни клевали и там хорошо, но ничего крупного не попадалось. Мелочь ловить надоело. Мы собрали рыбу в рюкзак и отправились бродить по водоёму, искать добычу покрупнее.

Ваня пробовал пробивать лунки и у берега, и на глубине, всюду было одно и то же, попадались только мелкие окуни и ерши.

Наконец солнце скрылось за горизонтом, начало быстро темнеть. Ну, пора и домой. Мы не торопясь тронулись в обратный путь. Я предложил сыну идти вперёд, не дожидаясь меня.

— Попросишь пока разогреть ужин, самовар поставить, а тем временем и я подойду.

Ваня легко вскинул на спину тяжёлый мешок с рыбой, взял пешню и зашагал вперёд. Вот он уже перешёл залив и скрылся в лесу.

Рыбалка закончена. Я опять один, один среди лиловых вечерних сумерек, среди этой торжественной тишины уходящего предвесеннего дня. Не спеша подхожу к лесу, сажусь на свой пенёк. Как спокойно, как отраднo у меня на душе. Вспоминаются отдельные эпизоды сегодняшней ловли и, конечно, самый интересный — эпизод с лещом. «Хорошо, что он не ушёл, а то бы всё дело испортил». Потом мысли уходят куда-то вдаль, в даль прошлых лет. Вспоминаются другие вёсны, солнечные мартовские дни, проведённые далеко-далеко отсюда. В памяти встают бескрайние просторы степей, полей, лесов, которые я исходил, изъездил за долгие годы жизни.

Уже совсем стемнело. Небо усыпано звёздами. Передо мною снова широкий залив и лес на другом берегу. Но утром, когда всходило солнце, лес казался прозрачным и розовым, а теперь он густо-синий. И вдруг, совсем неожиданно, он начинает почему-то светлеть; светлеет, серебрится всё заметнее, всё сильнее. Я оглядываюсь — из-за деревьев медленно поднимается круглая голубая луна. Ночь светлеет прямо на глазах.

Легко и весело пройти теперь до самой деревни по этому посветлевшему голубому лесу. Я иду и вдруг замечаю, что совсем не морозит. Снег, звёзды, луна, а мороза нет. Да ведь это

уже начало весны. Наверное, завтра, как только поднимется солнце повыше, разогреет к полудню, так снег с полей и потечёт. И грачи загомонят у гнёзд на старых ракигах.

Лунная мартовская ночь без мороза, первая весенняя ночь. И как хорошо всё кругом, и мягкий, совсем не хрустящий снег, и узенькая тропинка, ведущая из хмурого леса на простор голубых лунных полей, и протяжный гудок далёкого паровоза... А главное, так хорошо от сознания, что завтра свершится величайшее чудо в природе, то самое чудо, ради которого всё живое: и звери, и птицы, и крохотные букашки терпят лютый холод и голод зимы, то самое чудо, ради которого стоит всё перетерпеть и жить.

НА РАЗЛИВЕ

Весеннее половодье было в самом разгаре. Кругом разлилась река, затопила луга, болота и даже прибрежный лес.

Среди этого моря воды, будто острова, темнели холмы, поросшие кустами и низкорослым корявым дубняком.

Ярко светило солнце. Над водою кружились чайки, изредка проносились утки. Вытянув длинные шеи и быстро махая крыльями, они летели к берегам в тихие, спокойные заводи.

Ни одна из них не подлетала на выстрел, и я только напрасно держал наготове ружьё.

Мой приятель Иван Кузьмич, старый охотник, сидел на корме и, ловко подгребая одним веслом, направлял лодку к небольшому островку. Там мы хотели устроить шалаши и на заре покараулить селезней.

Вода прибывала. Это можно было заметить по усилившемуся течению и по тому, что мимо нас по разливу всё чаще и чаще проплывали сучки, ветки и охапки сухого прошлогоднего сена.

— Погляди, что с птицей-то делается, — указал мне Иван Кузьмич.

Тут я только заметил, что количество птиц над разливом значительно увеличилось. Помимо чаек, над водой и в особен-

ности около мелких островков, исчезавших прямо на наших глазах, летали и кружились вороны, коршуны, сарычи.

Поминутно то одна, то другая птица камнем бросалась в воду и взлетала, держа пойманную добычу.

— Ну, теперь мышам карачун пришёл, — пояснил мой приятель. — Вода прибывает, куда деваться? Приходится плыть, а на открытой воде не больно схоронишься. Ишь как хватают! Теперь птице раздолье.

Неожиданно Иван Кузьмич резко повернул лодку в сторону.

— Постой, постой, куда ты, дурень? Утонешь ведь! — И с этими словами он быстро опустил руку за борт, поддел кого-то ладонью и посадил в лодку.

Ну и пассажир! На дне лодки, фыркая и отряхиваясь от воды, сидел ёжик. Иван Кузьмич тронул его кончиком сапога. Ёж сейчас же сердито запыхтел и свернулся в клубок.

— Вот тебе и раз! — засмеялся товарищ. — Я же его, можно сказать, от гибели спас, а он со мной знаться не хочет. Ну, пыhti, пыhti, если ты такой сердитый. — И Иван Кузьмич, не обращая больше внимания на ежа, снова направил нашу лодку к намеченному заранее острову.

Мы проплывали мимо полузатопленного дерева. Взглянув на его нижние ветви, почти касавшиеся воды, я сразу даже не понял, что такое на них — не то серые прошлогодние листья, не то какие-то комочки грязи. Да вовсе нет — это всё мышиполёвки и водяные крысы взобрались на сучья, спасаясь от полой воды. В густых сучьях их не могли заметить и пернатые хищники.

— У-у, поганцы! — сурово проворчал Иван Кузьмич. — Брысь отсюда! — И он сильно стукнул веслом по сукам.

Что тут только поднялось! Вода под деревом будто закипела от бросившихся в неё сотен зверьков.

Мы быстро отплыли в сторону, а возле затонувшего дерева уже кружились вороны и другие птицы, выхватывая из воды добычу.

— Как скоро заметили, — усмехнулся Иван Кузьмич. — Ну и глазищи! Вот бы нам с тобой! Ни одна бы дичь тогда не ушла.

— А это кто же плывёт? — спросил я, указывая на движущуюся в воде тёмную головку зверька.

Мы догнали бойкого пловца. Заяц! Вот так история! Я и раньше знал, что этот зверёк в случае крайней нужды может плавать, но никогда не думал, что он плавает так хорошо.

И всё-таки вряд ли ему удалось бы благополучно добраться до берега. Плыть предстояло ещё далеко, а главное, крылатые хищники разве дали бы ему добраться?

Заметив приближение лодки, заяц пытался от нас удрать, но быстрее плыть он уже не мог. Зверёк начал шлёпать по воде лапами, поднимая брызги.

Мы тут же его настигли. Я схватил косого за уши и тоже втащил в лодку.

— Ну, дед Мазай, а куда сажать будешь? — весело крикнул мой спутник.

Действительно, сажать зайца было некуда, а отпускать нельзя — он сейчас же опять прыгнет в воду.

— Ба! А сетка на что?

— Это верно.

Я опять поднял зверька за уши. Иван Кузьмич подставил сетку для дичи, и в один миг живой заяц сделался охотничьим трофеем.

— Вот теперь надень сетку через плечо и будешь не дед Мазай, а барон Мюнхаузен, — рассмеялся товарищ. — Скажешь, что у тебя зайцы сами живьём в сетку прыгают.

— Ладно, ладно, нечего смеяться, — ответил я. — У нас ещё твоя сетка есть. Посмотрим, какого зверя ты в неё посадишь.

Мы поплыли дальше, внимательно осматривая тихую гладь воды и желая поскорее заметить ещё кого-нибудь из тех, кому понадобилась бы наша помощь.

— Эй, кумушка, куда же ты забралась? — воскликнул мой приятель и повернул лодку в сторону.

Впереди из воды торчало толстое спиленное дерево, и на его верхнем конце над водой копошилось что-то ярко-рыжее.

Да ведь это лиса! Вот куда её загнала вода!

Заметив нас, лисица засуетилась и, не подпустив лодку шагов на сто, бросилась в воду и поплыла.

— Тебя не догонишь! — покачал головой Иван Кузьмич. — Ну что ж, плыви, если в компанию к нам не хочешь.

Мы поплавали ещё по разливу, но сетка приятеля так и осталась пустой, больше «добычи» нам не попало.

Наконец мы подплыли к намеченному островку, вытащили на берег лодку и покрепче привязали к дереву. Вода всё прибывала, лодку могло унести. Остров, на который мы высадились, был низкий, его быстро заливало водой.

— На другой надо ехать, какой повыше, — решил Иван Кузьмич.

— А давай-ка пройдёмся по этому, — предложил я, — посмотрим, кто здесь спасается.

Мы пошли в глубь острова.

— Держи, держи! — неожиданно крикнул приятель.

Из-под самых ног у него выскочил заяц и огромными прыжками пустился наутёк.

Пройдя немного, мы выпугнули из кустов ещё двух зайцев.

— Жаль косых, — сказал Иван Кузьмич. — Зальёт островок — и капут им. Куда поплывёшь?

— А нельзя ли их как-нибудь поймать и на берег переправить? — спросил я.

— Да разве их голыми руками поймаешь? — ответил приятель. — Если бы сеть была, тогда другое дело.

Мы вошли в небольшой дубовый лесок.

— Кто же там ходит? Кажется, лошадь. Но зачем она сюда попала?

Мы подошли поближе.

— Это же лось, — тихо сказал Иван Кузьмич. — Чудно! Чего ж он тут околачивается? Давно бы уплыл. Ведь ему переплыть такой разлив — раз плюнуть.

Но лось, даже заметив нас, видимо, не собирался покидать остров. Он только беспокойно забегал между деревьями, прижимая уши и сердито топая ногами.

«Почему он не убегает?» Мы подошли ещё ближе. Тогда лось отбежал на самый мыс и остановился там у воды, тревожно поглядывая в нашу сторону.

— Э-э, глянь-ка сюда! — окликнул меня приятель, указывая под дубовый куст.

Я подошёл.

Под кустом, среди прошлогодней листвы, лежал лосёнок. Он лежал неподвижно, прижавшись к земле и совершенно сливаясь с окружающей серовато-жёлтой листвой.

Издали малыша можно было принять скорее за холмик земли, чем за живое существо.

— Вот, значит, в чём тут дело, — сказал Иван Кузьмич. — Он тут на островке и родился, а это matka его, лосиха, — кивнул он в сторону мыса, где всё так же взволнованно перебегал с места на место огромный, похожий на бурую лошадь дикий зверь.

— Ах ты, малышка! — добродушно засмеялся Иван Кузьмич, глядя на затравившегося лосёнка. — Лежит, не шелохнётся, а у самого небось душа в пятки ушла. Да и как не уйти, когда два таких страшилища заявились! Стоят над тобой и не уходят. А ты, дружок, нас не бойся, мы тебе зла не сделаем, наоборот — от беды спасём. — Иван Кузьмич поглядел на меня и сказал: — Надо его на берег переправить, а то как вода придёт, так ему здесь и крышка.

— А как же лосиха? Где же она его там, на берегу, искать будет?

— Найдёт, об этом не беспокойся. — Иван Кузьмич снял с себя ватную куртку и, осторожно нагнувшись, сразу накрыл ею лосёнка. — Вот и попался!

Лосёнок мигом очнулся от своего оцепенения; он забился, стараясь вырваться, и жалобно запищал.

В тот же миг в стороне послышался треск сучьев, какой-то глухой храп.

Я оглянулся и невольно схватился за ружьё: бешено всхрипывая, угрожающе топя ногами, к нам бежала лосиха.

Страшен вид разъярённого зверя, когда он защищает своего детёныша. Шерсть на загривке у лосихи поднялась дыбом, уши приложены, ноздри яростно раздулись, из полуоткрытого рта вырывался не то сдавленный стон, не то какое-то мычание.

Не замечая ничего кругом, она наткнулась на молодую берёзку. Удар ноги — и деревце, будто срубленное, полетело в сторону.

— Пальни, вверх пальни! — крикнул мне товарищ, пятясь за дерево, но не выпуская из рук лосёнка.

Я вскинул ружьё и выстрелил.

Лосиха шарахнулась в сторону, отскочила на несколько шагов и остановилась.

— Дурёха, мы ж твоего дитёнка спасаем, а ты на нас! — укоризненно проговорил Иван Кузьмич.

Мы направились к берегу, и лосиха, громко, отрывисто охая, побежала за нами лесом. Она поминутно останавливалась и тревожно глядела на нас. Страх за детёныша на время победил у неё даже страх перед человеком.

Мы отвязали лодку и поплыли. Товарищ снова взялся за весло, а мне передал лосёнка. Малыш, угревшись в тёплой куртке, совсем успокоился. Он больше не вырывался и не кричал, а только пугливо озирался по сторонам своими большими тёмными глазами. Казалось, он искал свою мать.

— Назад обернись, гляди, — сказал мне Иван Кузьмич.

Я оглянулся. Позади лодки, немного в стороне, из воды высывалась горбоносая морда плывущей лосихи.

— Видал? Вот что значит мать-то.

Вдали показался берег. Всё ближе и ближе. Вот уже лодка чиркнула о дно мелководья и остановилась.

Мы вынесли лосёнка на берег, опустили на землю и отошли к кустам. Но малыш, видимо, настолько растерялся, что даже не побежал прочь. Он встал на свои ещё некрепкие ножки, огляделся и вдруг побрёл прямо к нам.

— Ну, вот те и на! — развёл руками Иван Кузьмич. — Иди-ка ты лучше к матери, вон она уже на берег выскочила.

Выбежав на сухое место, лосиха издала негромкий, очевидно призывный, звук. Лосёнок мигом обернулся, насторожил уши и нетвёрдыми шажками побежал на зов.

— Беги, беги. Тут-то, брат, попривольнее будет, — ласково проговорил ему вслед Иван Кузьмич.

Мы сели в лодку и поплыли к острову городить шалаши.

СОЛОВЬИНАЯ ДУДОЧКА

Конец мая — лучшая пора весны. В лугах уже поднялась, загустела трава, и вся земля как будто оделась в зелёное платье с золотистым горошком из цветков одуванчика.

Разве усидишь в такую пору дома в воскресный день? Вот я и не усидел. Уже под вечер взял удочку... и через час очутился далеко за Москвой, среди цветущих лугов, среди таинственного шороха молодой листвы.

Пройдя немного, я выбрался к небольшой речке с забавным названием — Незнайка, уселся на бережок и закинул удочку. Просидел с полчаса. Не клюёт. Зато кругом так хорошо! Солнце спускается к горизонту всё ниже и ниже, уже за

верхушками деревьев спряталось. Над берёзами закружились майские жуки. У берега квакнула лягушка. И вот где-то не-вдалеке, в черёмуховых кустах, раздался протяжный певучий посвист, следом за ним — громкая трель и снова посвист: запел соловей.

Я слушал его, глядел на заходившее солнце и думал о том, как много обаяния в нашей родной природе. Эти луга, и холмы, и зелёные острова берёзок среди полей — как хорошо всё это! Недаром же неповторимый художник Левитан всю силу души, весь свой талант отдал этому краю. И недаром все мы беззаветно любим свою родную землю.

Я так задумался, что даже вздрогнул, услышав за спиною лёгкий шорох. Обернулся, гляжу: возле меня мальчик стоит, да такой забавный — в светлой рубашке и в большой коричневой шляпе, наверное, отцовской. Ну настоящий белый грибок! Стоит, в моё пустое ведёрко заглядывает.

— Ничего не поймали?

— Как видишь.

«Грибок» сочувственно кивнул головой:

— Плохи дела.

— Совсем не плохи, — улыбнулся я.

Мальчуган недоверчиво поднял на меня глаза, а я продолжал:

— Разве дело в том, чтобы побольше рыбы поймать? Со-всем не в этом. Я вот сижу на берегу, смотрю, как солнце садится, как зеленеют берёзы. А вот осинки ещё не распустились, потому что каждое дерево, каждый кустик в свой срок весной оживает. Знаешь, как интересно понаблюдать за всем этим! Иной раз так засмотришься, что и про рыбу забудешь.

Мальчуган внимательно слушал, видимо сочувствуя моим словам. Когда я кончил, он помолчал немного и спросил:

— А как папоротник цветёт, вы тоже видели?

— Не видал. Да этого и не бывает, у папоротника цветов нет.

Мальчик недоверчиво взглянул на меня:

— А вот бабка Дарья говорит — он ночью цветёт.

Я хотел ответить, что всё это сказки, но тут вдруг вспомнил, как и сам когда-то, вот таким же мальчишкой, вместе

с другими ребятами бегал в ночь под Ивана Купалу в лес искать сказочные цветы папоротника. Потом, когда стал постарше, узнал, что папоротник вообще не цветёт. Но от этого ничуть не померкла в памяти прелесть таинственных поисков среди тёмной пахучей листвы, при тусклом свете летних мерцающих звёзд.

Я взглянул на мальчика. Но он, видимо, уже забыл о сказочном ночном цветке и к чему-то прислушивался.

Совсем близко от нас защёлкал, запел соловей.

— Слышите?

Я кивнул головой.

— А знаете, почему он так звонко поёт? Дудочка у него такая есть.

Я не сразу понял:

— Какая дудочка?

— Махонькая. Из пёрышка сделана. Он клювом пёрышко у себя из крыла выдернет, обчистит его, потом в клюв возьмёт и заиграет. Поэтому так звонко и получается.

— Это тоже бабка Дарья рассказывала?

Мальчик утвердительно кивнул головой.

И я как-то сразу представил себе эту старушку. Выйдет она на крылечко под вечер, соберёт детвору и начнёт рас-

сказывать о таинственном полуночном цветке или о звонкой соловьиной дудочке.

Слушают ребятишки сказки про чудеса родной природы, учатся крепче чувствовать и любить её.

— А давай подкрадёмся к соловью, поглядим, как он играет на дудочке, — предложил я.

И вот мы осторожно пробираемся среди кустов к невидимому певцу. Но уже темнеет. В густых ветвях и не разглядеть невзрачной маленькой птички. Мы останавливаемся затаив дыхание. Из кустов вырывается мощный поток звуков. Он разносится далеко-далеко по уснувшим речным просторам. Не верится, что такой сильный голос может быть у крохотного крылатого певца. Уж и впрямь не играет ли он на волшебной дудочке?

Кругом темно. Весенняя ночь ревниво хранит свои тайны. Неожиданно кто-то из нас наступил ногой на сучок.

Лёгкий хруст — и певец умолк.

— Темно, не разглядишь, — вздохнул мальчуган и вдруг встrepенулся: — Ой, поздно уже! Мамака браниться будет.

Не успел я опомниться, как мой спутник исчез в кустах.

Я остался один среди черёмуховых кустов, среди прозрачных сумерек наступавшей весенней ночи. Не торопясь, вернулся к реке, смотал удочку и побрёл на станцию. Тропинка, по которой я шёл, то выводила меня на бугор, то вновь скрывалась в кустах, и я погружался в белую черёмуховую пену, в гремящие волны соловьиных трелей. Казалось, из каждого куста, усыпанного крупными пахучими гроздьями, несётся песня без слов, песня самой весны. Её исполняли десятки, сотни невидимых музыкантов на своих сказочных дудочках.

Я старался идти медленно, чтобы подольше остаться наедине с этой ночью, полной цветов и песен. А в душе возникали светлые, радостные мысли и тут же легко и просто складывались в слова. Как будто сама весенняя ночь говорила мне:

Ты счастья ждёшь давно,
Глядишь пытливым взглядом.
Но кто его дарит,
Не знаешь, добрый друг.

А счастье — вот оно,
Оно с тобою рядом.
Ты только посмотри
Внимательней вокруг.
Вон у реки в кустах
Теряется тропинка.
Иди по ней к реке,
Иди куда-нибудь.
И первая звезда,
Как голубая льдинка,
Сверкнувши вдалеке,
Тебе укажет путь.

ЗАГАДОЧНАЯ НАХОДКА

В окна школы светит яркое солнце. Горячим жёлтым квадратом ложится на пол, греет щёки ребят, рисует на их носках забавные веснушки.

Ах, как трудно в такой весенний солнечный день чинно сидеть за партой и решать задачи!

Как хочется выбежать во двор, поиграть в снежки! Снег в оттепель так славно лепится. Недаром же наступил первый весенний месяц — март.

Конечно, впереди ещё будут морозы и вьюги, но им уже недолго осталось хозяйничать.

Теперь скоро снег всюду растает, зазеленеет земля и из дальних стран вернутся перелётные птицы.

Для юных натуралистов это большое событие. Нужно как следует к нему подготовиться. Надо развесить новые птичьи домики и внимательно просмотреть старые — нет ли в них щелей или каких-нибудь других изъянов. Надо всё заблаговременно починить, а главное — вычистить скворечники и дуплянки, выбросить из них гнездовую подстилку. Прилетевшие птицы натаскают новую, старая им не нужна. К тому же в ней ещё с прошлого года могли остаться разные паразиты. Летом они будут беспокоить птенцов.

Поэтому юные натуралисты решили прямо же после заня-

тий всем кружком отправиться в загородный парк, чтобы как следует осмотреть и вычистить там скворечники.

Славная это работа. В парке, ещё по-зимнему укрытом снегом, сразу стало шумно и весело. Ребята тащили высокие лестницы, подставляли к деревьям, лезли осматривать скворечники.

Вот Боря уже на верхней ступеньке. Ему попался хороший скворечник, крепкий, без всяких щелей, а главное — у него снимается крышка. Всегда нужно делать такие домики: чистить их очень удобно.

Боря снимает крышку, засовывает в скворечник руку и невольно отдёргивает: внутренность домика заполнена какими-то комочками, покрытыми шерстью.

Оправившись от неожиданности, Боря вновь опускает руку. Нет, он не ошибся. Но что же это может быть? Мальчик берёт в руку покрытый шерстью комочек и вынимает.

Мёртвый мышонок! А вот и ещё, и ещё — целая груда мышей, и все мёртвые, даже совсем зачоченели.

Боря быстро спустился на землю и показал свою находку ребятам. Все изумились: зачем же мыши залезли так высоко на дерево, зачем забрались в скворечник и почему там погибли?

Но сколько ребята ни ломали голову над этим странным явлением, ничего не смогли придумать.

К тому же долго раздумывать было некогда — нужно спешить продолжать работу.

В этот день ребятам не удалось вычистить все скворечники. Незаконченную работу отложили на следующий день.

Придя снова в парк, Боря вдруг вспомнил, что ведь он так и не вычистил тот самый скворечник, где вчера нашёл мёртвых мышей; только выкинул из птичьего домика этих зверьков.

Боря подставил лестницу, забрался наверх, запустил руку в скворечник и даже вздрогнул: его пальцы вновь нащупали твёрдый, покрытый шерстью комочек.

Мальчик вынул его. Опять мёртвый мышонок, а вот и второй. Но ведь Боря хорошо помнил, что вчера выбросил из скворечника всех зверьков. Значит, эти только сегодня забрались в домик и тоже погибли в нём.

— Может, их кто-нибудь сюда приносит? — сказал один из ребят.

А кто? Кошкам не к чему прятать мышей так высоко на дерево. Куница? Зачем она сюда заберётся, в парк, на окраину города? Хорёк или ласка? Но ведь эти зверьки по деревьям не лазают. Белка? Нет, белка мышей никогда не ловит. Вот птичьи яйца или даже новорождённых птенцов, если найдёт в гнезде, обязательно съест, а мышей ловить не будет. Кто же тогда?

Ребята терялись в догадках.

— Давайте покараулим здесь, — предложил Боря. — Устроим дежурство круглые сутки, наверное, кого-нибудь выследим.

— Верно, — согласились все ребята. — Завтра воскресенье, в школу идти не нужно, вот и будем дежурить по очереди всю ночь и завтра весь день.

Так и договорились.

Боре, поскольку он обнаружил эту находку, предоставили право дежурить первому. Дежурство решили начать с вечера, как только станет смеркаться.

И вот над парком засинели ещё по-зимнему ранние сумерки. В окнах соседних домиков зажглись огни.

Звонкая вечерняя тишина нарушалась только отдельными звуками. Где-то неподалёку заскрипела калитка, застучали ведра, послышался смех ребят. Очевидно, шли за водой к ближайшей колонке. Потом заворчал, прокатил по дороге пустой грузовик, и, провожая его, залилась лаем собака.

Боря сидел под деревом и не спускал глаз со скворечника, за которым он наблюдал.

С каждой минутой становилось темнее, так что трудно было что-нибудь разглядеть среди сучьев и веток старых деревьев. Но Боря выбрал себе такой наблюдательный пункт, чтобы скворечник был от него прямо на запад, то есть на вечернюю зарю. Её последний свет ещё не погас, и на желтоватом фоне зари чётко вырисовывался птичий домик.

Боря напряжённо прислушивался: не раздастся ли хоть малейший шорох, когда поджидаемый им зверёк начнёт взби-

раться с добычей вверх по стволу. Но никакого шороха мальчик не слышал.

И вдруг что-то бесшумно мелькнуло среди ветвей. В следующее мгновение Боря увидел, как на сучок возле скворечника села птица. Она была небольшая, величиною немного крупнее скворца, но с виду совсем на него не похожа.

Птица была толстенькая, коротенькая, с большой головой. Она держала мышь.

Птицу нетрудно было узнать. Конечно, это ночной глазастый охотник — сыч.

Маленький крылатый хищник посидел на сучке, потом так же бесшумно подлетел к скворечнику и забрался внутрь.

Вскоре он вылетел обратно, уже без добычи, и тут же исчез в темноте. Боря быстро вылез из своей засады. Больше дежурить не нужно, все выяснилось: этот птичий домик сыч приспособил для своей кладовки.

НАСЕДКА

Весна. В ложбинке у дорожки
Журчит невидимый ручей.
Осины длинные серёжки
Купают в золоте лучей.

В бору пестреет бугорок,
Покрыт травкою буроватой,
Из-под неё глядит сморчок,
Как гномик в шапочке помятой.

С бугра беззвучно речь ведёт:
— Встречай весну, лесной народ!
И зяблик, сидя на сосне,
Уже поёт привет весне.

Такая картинка ранней весны, конечно, знакома каждому, кто в эту пору может заглянуть в ближайший лес и побродить по влажной, едва только освободившейся от снега земле.

Такая картинка пробуждённой природы открылась и перед глазами ребят, когда они шумной ватагой отправились с лесником дядей Фёдором помогать ему жечь в лесу хворост. Этот хворост остался от зимней рубки деревьев, и его нужно было убрать.

Мальчики шли по дороге, весело переговариваясь и поглядывая по сторонам.

Хорошо в эту пору в лесу! Он ещё не оделся листвою, весь казался прозрачным, будто умылся весенними водами, каждая ветка блестела на солнце.

Ветви осинок были сплошь увешаны длинными серёжками, а молодые берёзки уже начинали чуть-чуть зеленеть.

По кустам и деревьям на все лады распевали птицы, и, словно передразнивая их, в ближайшем болоте весело урчали лягушки.

— Гляди, гляди, сколько лягушачьей икры! — воскликнул один из ребят, шедший по краю дороги.

Он поднял с земли сучок и начал им легонько трогать

огромные комья прозрачной слизи, плававшие в придорожной канаве. Товарищи обступили его.

— И ведь из каждой икринки головастик выведется, — говорили ребята. — Тьма их тут будет, прямо не счесть!

— Ну, молодёжь, чего остановились? Пошли, пошли! — окликнул шедший впереди дядя Фёдор.

Все опять двинулись в путь, поминутно открывая новые и новые признаки весны. Вон в стороне сухой высокий бугор, лиловый от крупных, похожих на колокольчики цветов, — это цветёт сон-трава. А вот у самой дороги большая муравьиная куча. Она уже ожила под лучами весеннего солнца. Издали кажется, что поверхность кучи вся движется, будто кипит тёмной блестящей смолой. Это тысячи муравьёв суетятся, бегают взад и вперёд, чинят свой муравейник.

— Ой, ребятки, сморчков-то сколько! — отозвался в сторонке чей-то радостный голос.

И все побежали скорей собирать эти первые весенние грибы.

— Вы что, по грибы в лес пришли? — опять добродушно окликнул ребят дядя Фёдор. — Вот не возьму вас с собой, оставайтесь здесь.

— Нет, дядя Федя, мы тебя мигом догоним! — кричали ребята, собирая грибы кто в шапку, а кто прямо в карман.

Наконец добрались и до вырубки. Тут лежали большие кучи хвороста. Лесник показал ребятам, как нужно их поджигать.

В эту пору, пока земля ещё сырая, бояться пожара нечего. Но всё-таки дядя Фёдор зорко поглядывал за тем, как в разных концах вырубки закурились синие дымки и начал весело потрескивать уже подсохший на солнце хворост. К запахам весеннего леса прибавился горьковатый запах дымка.

Дядя Фёдор повёл ребят на край вырубки. Там тоже виднелась куча хвороста, а за ней начинался лес.

Ребята нарвали прошлогодней травы, подложили под хворост и подожгли. Пламя лизнуло сухую листву, и красноватые языки стали весело перебегать с ветки на ветку.

Налетел ветерок, сразу раздул костёр. Золотой сноп огня метнулся в сторону.

И в тот же миг под хворостом что-то захлопало, зашумело. Большая пёстрая птица вырвалась из-под веток и полетела вдоль вырубki низко, над самой землёй.

— Тетёрка! — вскрикнул лесник, бросаясь к месту, откуда вылетела птица.

На земле из-под хвороста виднелось гнездо и в нём крупные светлые яйца.

— Гнездо сгорит! — закричали ребята.

Но лесник уже заминал ногами огонь.

— Оттаскивай сучья! — командовал он.

Все бросились на подмогу. Через минуту огонь был погашен.

— Вот ведь что значит насадка детей выводит, — покачал головой дядя Фёдор. — Люди рядом, огнём чуть не спалило, а она сидит, до последнего терпит. Придётся эту кучу не трогать, — добавил он.

Поправив растасканный возле гнезда хворост, мальчики с лесником пошли на другой конец вырубki. Смотреть ещё раз гнездо тетёрки дядя Фёдор не разрешил.

— Нельзя её больше тревожить, — сказал он. — Дня через два придём, тогда поглядим, вернулась к гнезду или нет. Делать нечего, пришлось ждать.

Очень хотелось ребятам на другой же день сбегать посмотреть спасённое гнездо. Хотелось, да нельзя: ну-ка дядя Фёдор узнает! Никогда больше в лес с собой не возьмёт.

Наконец прошли эти два дня. И вот ребята и дядя Фёдор опять в лесу. Осторожно, стараясь не хрустнуть сучками, подкрадываются они к куче хвороста. Сидит или нет?

— Сидит, сидит, — первым заметил и зашептал лесник.

Ребята сначала ничего не могли разглядеть.

— Где? Где?

— Да вон под ветками...

Дети подвинулись ещё ближе и тут наконец увидели сидящую в гнезде тетёрку. Вся пёстрая, на пёстрой земле она была совсем незаметна.

— Рядом пройдёшь — не заметишь! — негромко сказал один из ребят.

— Сидит-то как тихо, ни одним пёрышком не шевельнёт! — отозвался другой. — Боится нас, а гнезда не бросает. Значит, гнездо ей дороже жизни.

— Ну, ребята, нечего зря и тревожить, — сказал дядя Фёдор. — Пусть сидит да птенцов выводит.

И лесник с детьми потихоньку пошли домой.

СТАРЫЙ БЛИНДАЖ

Пошёл я как-то весной в лес. В эту пору побывать в нём особенно интересно: у птиц и зверей появляются на свет детёныши.

Хорошо, например, разыскать где-нибудь в чаще ветвей гнездо дикой птицы и понаблюдать за тем, как заботливая мать кормит своих птенцов. Ещё интереснее последить за лесными четвероногими малышами — зайчатами или лисятами. Но зато и отыскать их совсем нелегко.

Всё утро бродил я в лесу. Где только не побывал: и в ель-

нике, и в молодом березнячке. Измучился. «Ну, — думаю, — теперь отдохну немного, а потом — домой».

Вышел я на полянку. Вот где благодать-то!

Вся поляна в цветах. Каких-каких только нет: красные, жёлтые, голубые... словно разноцветные бабочки расселись и греются в ярких лучах весеннего солнца.

Люблю я лесные цветы — не рвать, а лечь среди них и рассматривать каждый цветок. Ведь у любого из них свой особый вид и как будто даже особый характер.

Вот большие, глазастые ромашки «любишь — не любишь». Они весело растопырили белые лепестки, точно глядят вам прямо в лицо. А розовый клевер совсем иной: он так и прячет в густой траве свою свою круглую стриженую головку. И тут же склонились, будто о чём-то задумались, большие лиловые колокольчики.

Помню, в детстве старушка няня мне говорила о них: «Как поспеет трава в лесу, наступит время её косить, тут лесной колокольчик и зазвенит и подаст свой голосок: берите, мол, косы, идите скорее в леса, в луга, запасайте на зиму душистое, свежее сено».

Вспомнились мне эти нянины сказки, и захотелось, как в детстве, спрятаться в траву, затаиться в ней, чтобы слушать звенящую тишину летнего полдня.

Я пошёл через поляну — укрыться в тени под старыми берёзами — и неожиданно на самом краю, среди кустов, увидел что-то тёмное, похожее на вход в пещеру. Сверху его покрывали толстые, обросшие мохом брёвна. Многие из них уже сгнили и провалились внутрь.

«Да это же старый блиндаж!» Я подошёл поближе и заглянул внутрь. Оттуда тянуло сыростью, запахом плесени.

Невольно вспомнились страшные годы войны, когда людям приходилось рыть эти мрачные земляные убежища.

Я отошёл в тень под берёзы, улёгся в траву и ещё раз взглянул на разрушенный старый блиндаж.

Вдруг мне почудилось, что внутри него кто-то зашевелился.

Я вздрогнул: «Кто это?»

Из-под обломков брёвен показалась полосатая мордочка барсука.

Зверёк долго осматривался по сторонам, приняхивался. Но лёгкий ветерок дул от него ко мне, и потому чуткий зверь не обнаружил моего присутствия. Убедившись наконец, что поблизости нет никакой опасности, барсук вылез из-под бревна и суетливо забегал по полянке, словно отыскивая что-то. Потом он вновь исчез в блиндаже.

«Странно! — подумал я. — Барсук — ночной зверёк. Ночью он бродит по лесу, а днём спит в норе. Зачем же теперь он вылезал из своего убежища?»

И, будто отвечая на мой вопрос, из блиндажа опять показался тот же зверёк. В зубах он что-то ташил.

Я пригляделся, стараясь рассмотреть его ношу. Да ведь это молодой барсучонок!

Вытащив детёныша из-под бревна, барсук положил малыша у входа, а сам торопливо вернулся в блиндаж и сейчас же вновь выбежал оттуда со вторым барсучонком. Так он вынес на солнышко четырёх барсучат. Они были маленькие и очень толстые, как дворовые кутята.

Я крайне удивился, глядя на такой поздний выводок: обычно барсучата рождаются ранней весной.

Молодые барсучки, неуклюже переваливаясь, бродили на своих коротеньких ножках по полянке. А старая барсучиха (очевидно, их мать) зорко наблюдала за детворой. Стоило только какому-нибудь из малышей отойти немного подальше от других, как барсучиха подбегала к нему, осторожно брала зубами за шкурку и тащила назад.

Погуляв на солнышке, барсучата один за другим подобрались к матери и начали толкать её своими чёрными носиками под живот.

Тогда старая барсучиха разлеглась на боку, а барсучки, как поросята, улеглись возле неё и стали сосать молоко.

Мне было не очень удобно наблюдать зверьков из густой травы. Я приподнялся, нечаянно хрустнул сучком и этим испортил всё дело. Барсучиха вскочила, и не успел я опомниться, как она мордой и передними лапами в один миг затолкала всех четырёх детёнышей обратно под брёвна. Сунула и следом исчезла там же сама.

И поляна вновь опустела, будто на ней никого и не было. Только большая нарядная бабочка-махаон не торопясь перелетала с цветка на цветок.

Я выбрался из-под берёз, размял затёкшие ноги и ещё раз взглянул на старый блиндаж. Но теперь он мне уже не казался угрюмым и мрачным.

Да теперь это вовсе и не блиндаж, а просто барсучья нора, где спокойно живёт семейство лесных зверей.

И глазастые ромашки тоже забрались на самый верх, на сгнившие брёвна, и глядят на меня, как глядели когда-то в детстве; и лиловые колокольчики столпились у самого входа, качают головками, будто тихонько звенят о том, что уже наступает пора выходить на луг, косить густую, пахучую траву, а вечером зажигать костры, смеяться и петь весёлые песни.

Я огляделся кругом, и на душе у меня стало так хорошо, так радостно! В каждом цветке, расцветшем на сгнивших брёвнах, в каждой зелёной ветке чувствовалось столько свежести и молодой, здоровой силы... Они тянулись к солнцу, они хотели жить и всем своим видом твердили о торжестве жизни, которая сможет выдержать самые тяжёлые испытания, выдержать и победить.

ЧУДО ТЕХНИКИ

Однажды весной мы с товарищем отправились на охоту за тетеревами; я — с ружьём, приятель — с фотокамерой.

На место прибыли только поздно ночью.

До утра просидели на полустанке, а едва занялась заря, поспешили в лес.

Чудесно в нём в эту пору ранней весной. Какой запах от влажной земли, от набухающих почек! Каждое деревце, каждый кустик тянет к вам свои ветки — на, мол, понюхай и запомни потом на всю жизнь.

Начало быстро светать. Кругом зачирикали первые птички. На далёком лесном болоте звучно затрубили журавли.

И вдруг, где-то совсем близко от нас, раздалось долгожданное «чу-фшшшш...» Мы так и замерли на месте.

Снова и снова слышалось громкое чужфканье, потом хлопанье крыльев. Это тетерева слетались на токовище.

Мы начали осторожно пробираться через кусты.

Впереди уже видна поляна, и на ней взапуски бегают, гоняясь друг за другом, тетерева-косачи. Они то наскакивают один на другого с громким задорным чужфканьем, то припадают к земле и заводят длинную монотонную трель: «У-ру-ру-ру-ру...»

Пора. Я тоже начинаю чужфкать — манить к себе драчунов.

И вот один из тетеревов услышал мой призыв. Он лихо подскакивает на месте, распускает лирой хвост и бежит прямо к нам.

Я сжимаю в руках ружьё, бросаю искоса взгляд на приятеля. Он уже нацелился аппаратом. Раздаётся еле слышный щелчок — снимок сделан. Приятель готовится ко второму.

Но тетерев неожиданно приостанавливается. Дальше бежать не хочет. «Чу-фшшшш!...» — громко и вызывающе кричит он.

Я молчу. На таком близком расстоянии отвечать не следует — птицу теперь уже не обманешь, вмиг улетит — и выстрелить не успеешь.

«Да чего же ждёт мой приятель? Снимал бы скорее!»

Тетерев снова подскакивает на месте и хлопает крыльями: а ну-ка, мол, выходи на бой!

Я больше не в силах ждать, приподнимаю ружьё, целюсь и... вдруг над самым ухом: «Чу-фсссс!..» — точно автомобильная шина лопнула...

Косач срывается с места. Я стреляю, почти не целясь. Промах. Перепуганные тетерева разлетаются.

— Ты что же наделал? Зачем свистел? — вне себя кричу я на приятеля.

От смущения тот не знает, куда деваться.

— Да я хотел подманить поближе, — лепечет он. — Зуб у меня со свистом. Приеду, сразу выдерну!

— Теперь хоть все повыдергай, — возмущаюсь я. — Сорвал охоту. Эх ты, свистун несчастный!

Мы возвращаемся домой в мрачном молчании. Так кончается день.

Но к вечеру мир между нами уже опять восстановлен, и мы как ни в чём не бывало садимся вместе проявлять фотографии.

— Ну и что же, что не убили? — весело говорит приятель. — Неужели тебе кусок мяса нужен? А ты лучше пред-

ставь, какой снимок я сделал: тетерев прямо на нас бежит, крылья распустил, хвост лирой... Ведь это же память на всю жизнь!

Я невольно заражаюсь его пылом, тороплю поскорее начать проявление.

И вот лента негативов уже готова. Она промывается в воде. Потом сушится. Но нам не терпится взглянуть на последний снимок: ведь именно там и запечатлён финал нашей охоты.

— Плотноват негатив, — говорю я. — Трудно разобрать детали.

— Не беда, — утешает приятель, — передержал немножко. Это легко исправить.

Я всё же пытаюсь разглядеть снимок, и наконец мне это удаётся.

— Ага, вот и тетерев! Какая поза! Так, кажется, и налетит сейчас. А что такое под ним внизу?

— Бугорок, — поясняет приятель. — Видишь, и кустики на нём.

— Кустики-то я вижу, но сам бугорок какой-то странный. Вот будто два уха, и нос, и рот... Голова какая-то, а вместо волос — кусты и сверху тетерев. Что за чепуха?!

Приятель всматривается и вдруг хватается за виски.

— Ах я болван! — восклицает он. — Настоящий болван!

Я ещё толком не понимаю, в чём дело, но уже чувствую, что случилось что-то непоправимое.

— Плёнку не передвинул: два снимка на одном кадре! — в отчаянии говорит он. — Видишь: твоя голова, а на ней кусты и тетерев.

— Вот те и снимок, и память на всю жизнь! — Я не могу больше сдержать своего гнева и на чём свет стоит ругаю несчастного фотографа. — Испортил охоту да и снять-то как следует не сумел! Никуда больше с собой не возьму. И не прощу лучше.

Но самое возмутительное, что приятель уже оправился от смущения. Он глядит на меня будто ни в чём не бывало, даже улыбается.

— Да ты постой, не кипятись, — весело говорит он. —

Я обещал тебе и повторяю — замечательный снимок выйдет. Ты сам посуди: обычного тетерева на земле ведь каждый дурак снимет. А вот чтобы на голове у охотника сидел — ну, где ты такое видал? Ведь это же не просто снимок, а художественная композиция, настоящее чудо техники!

ПОЛУНОЧНИК

Мы с дедом, лесником, возвращаемся с охоты на вальдшнепов, по-нашему, по-охотничьему, — с тяги.

Весна. Ночь. Весь лес и небо над ним и всё кругом залито прозрачным лунным светом. Молодой месяц тонким лимонным ломтиком желтеет в вершинах деревьев, и кажется, что от него разлилась в воздухе душистая, терпкая свежесть.

Мы идём по лесной вырубке. На зеленоватом небе будто тушью выведены чёрные силуэты одиноких сосен. Лес спит. Спят в вершинах деревьев чуткие лесные птицы.

Вдруг перед самым моим лицом кто-то бесшумно взлетает. Невольно вскидываю ружьё и тут же опускаю. Ведь это не дичь — это ночная ласточка-козодой, по-деревенски «полуночник».

В тот же миг раздаётся выстрел. Козодой спотыкается в воздухе, падает.

— Дедушка, зачем ты стрелял? Ведь это же полуночник.

— Знаю, потому и стрелял, — ворчит дед.

Я поднимаю убитого козодоя. Странное существо. Ни на одну птицу не похож. У всех птиц клюв как клюв, а у этого настоящая пасть, как у лягушки.

В тусклом лунном свете на теле птицы перьев не видно, и вся она, серая, как мышь, с длинным хвостом и широко раскрытой пастью, кажется каким-то фантастическим животным, неизвестно откуда залетевшим в наши трущобы.

— А жаль, дедушка, что ты его убил, — говорю я, — хорошая птица. Для леса пользу приносит — ночных бабочек и других вредных насекомых ловит.

— Это кто, полуночник-то?

— Ну да.

Дед неодобрительно качает головой.

— Вот уж кого нашёл похвалить — полуночника!

— А почему же его не хвалить?

— Не к добру он. Как залетает, закружит перед тобой, как и знай — беспрерывно в лесу и сам закружишься. Сойдёшь с тропы — и пошёл без дорог колесить. Одно слово — тёмная птица.

Мне смешно, что старик об этом говорит так серьёзно.

— А откуда, дедушка, ты про неё такое знаешь?

— Про неё-то? А ты-то вот знаешь, откуда эта птица?

— Расскажи, пожалуйста.

— То-то, «расскажи»! Да что толку? Не согласишься небось, что зря рассказывать.

— Почему же не поверю? Ты всю жизнь в лесу, немало нагладелся.

Дед молчит. Потом нехотя начинает:

— Да я-то этого не видал, а старые люди рассказывают. Значит, верно, что было... Небось знаешь, над речкою, в крутояре, что за деревней, на самой излучине ласточки-береговушки живут?

— Ну и что же?

— А вот. Появилось раз в нашей стороне серых жаб ви-

димо-невидимо. Ночью с крыльца не сойти, так под ноги и лезут. Проводали, значит, жабы про гнёзда в крутояре, выбрали время; когда все береговушки разлетелись пищу птенцам добывать, залезли в гнёзда, пожрали птенцов, сидят в норах; темно, прохладно, чем не житьё.

Прилетели береговушки птенцов кормить. Впотьмах-то ничего не разберут. А жабы хитры: разинули рты, будто птенчики. Береговушки-то весь корм им посовали, а сами опять за добычей. Так и остались жабы вместо птенцов в норах жить. Кормят их птицы, да как станут в рот пищу совать, наперёд слюной её смачивают. От той слюны у птенцов крылья растут, на теле перо появляется.

Пришло время детёнышам из гнёзд вылетать. Вылезли жабы из нор. Глянули на них птицы, так и ахнули. Вот дети-то уродились! И перо и крылья есть, да только всё не такое, как надо, — мягкое, серое, словно совиное. Ну, а уж морда-то жабыя как была, так и осталась. Сколько её перьями ни прикрывай, всё жабыя.

Взгоревались птицы, стали жаб от себя гнать. Тем делать нечего — нужно убираться. Разлетелись по лесам, будто птицы, а жабы повадки так и оставили. Летают ночью, всё по земле, низом. Ловят поганым жабым ртом всякую нечисть. А то ещё сядет на пенёк и заведёт лягушачью трель. Пакость, да и только. День настал, все птицы проснутся, поют, а эти вместе с земляными жабами куда подальше от света хоронятся. Одно слово — полуночник. Неправильная птица — оборотень. Уж если закружит она над тобой, значит, жди беды. Оборотит так, что в своём лесу пути не найдёшь али ещё что похуже приключится... А ты хвалить... Тоже нашёл кого!

Дед замолчал. Молчу и я. Думаю о призрачной ночной птице-оборотне и о той стране, где она живёт, — чудесной стране народной фантазии.

Да вот я и сам наяву забрёл в эту таинственную страну. Только посмотреть кругом — ночью в лесных трущобах, тонущих в лунной мгле, всё кажется сказочным, неправдоподобным.

Мы у Гнилого лога. Когда шли днём на охоту, здесь была сырая низина с редкими лохматыми деревьями, а теперь перед

нами лунное озеро, озеро сизого ночного тумана. На нём чёрные силуэты кораблей, мачты и паруса...

Набежал ветерок. Всё в движении. Колышутся лунные волны, качаются мачты, надуваются паруса. Чёрная флотилия тронулась в путь.

Вдруг где-то за болотом дико захохотал филин, и сейчас же в другом конце леса ему отозвался полуночник.

— Слышишь, дедушка, леший с оборотнем перекликаются? Должно, хотят нас закружить.

Дед понял намёк, рассердился, даже плюнул:

— Так и знал, не поверишь! Даром только язык чесал.

Он шагнул вперёд, нырнул и исчез в сизых волнах тумана.

Я спешу следом. Мы проходим мимо окутанных туманом деревьев. Это уже не корабли, как казалось издали, чёрные чудовища тянут к нам огромные косматые лапы. Каждый миг всё кругом меняется, движется, оживает.

Я смотрю на эти фантастические превращения и, кажется, начинаю понимать, как зародилась сказка о таинственной птице полуночнике.

УДАЧНАЯ ОХОТА

Страшися славы, почестей, похвал.

Кто их достиг, счастливее не стал.

Но если ты в лесах зарю весны

не встретишь —

Пойми, глупец, ты счастье потерял.

Эти коротенькие стихи я написал в назидание самому себе на первой странице тетради, куда записываю все неотложные дела. Написал и с того же дня взялся за дело.

Что касается первой части моего мудрого изречения — «страшися славы, почестей, похвал», то выполнить эту часть мне было чрезвычайно легко, так как ни слава, ни прочие, связанные с ней осложнения в жизни мне вовсе не угрожали. А вот относительно того, чтобы встретить зарю весны не дома

за письменным столом, а в полях и лесах — осуществить это оказалось куда сложнее.

Едва только я подумал об отъезде в деревню, как со всех сторон посыпались какие-то срочные, неотложные дела, казалось, что и конца им не будет.

Чтобы пресечь их нескончаемый поток, я принял самые решительные меры: не стал подходить к телефону и объявил себя больным.

Наконец, выбрав удобный момент, я сел в машину и вместе со своим старым приятелем Владимиром Сергеевичем отправился на весеннюю охоту.

Чудесно ранней весной выбраться из большого многолюдного города на простор недавно оттаявших полей и светлых, ещё не покрытых листвой перелесков.

По низинам блестят огромные лужи воды, по овражкам шумят и пенятся мутные потоки.

Поля и леса уже ожили от зимнего сна. Тут и там по желтовато-зелёной, ещё не успевшей оправиться озими деловито разгуливают грачи, копошатся носами в земле, достают какую-то еду.

А над полями далеко разносятся переливчатые песни жаворонков.

Это уже весна, настоящая весна! Скорее, скорее умчаться подальше от города в поля, в леса, забраться туда, где приход весны чувствуется особенно сильно.

Моему товарищу тоже не терпелось попасть поскорее в лес. Он гнал машину так, что только ветер посвистывал. К ночи мы были уже далеко от Москвы в уютной лесной сторожке.

Закипел самовар. Мы напились чаю, закусили и решили перед выходом на охоту подремать часок-другой.

Укладываясь на лавке, я всё боялся, как бы не проспать, ведь уже скоро одиннадцать, а вставать надо в час ночи.

— Да не беспокойся ты, я точно проснусь, — уверял приятель. — Я как по заказу могу.

Говоря это, он сладко позёвывал, и мне что-то не верилось, чтобы он действительно проснулся вовремя.

— А ты, милоч, не тревожься, — вмешался в наш разго-

вор дедушка-лесник, у которого мы остановились. — У меня будильник есть. Уж он не обманет.

Я окинул взглядом всю комнату. На стене висели ходики, но будильника нигде не было видно.

— А где же он?

Старичок указал на входную дверь.

— Там, на насесте. Мой будильник живой. Он вернее всяких часов время сказывает. Вот как за полночь перевалит, так он и загремит.

Все эти обещания меня мало успокоили, и я лёг с твёрдым намерением не спать, а только подремать немножко.

Мне казалось, что я и вправду не спал, когда дедушка потряс меня за плечо:

— Вставай! Слышишь, будильничек заиграл?

В сенях за дверью послышалось хлопанье крыльев и звонкое «кукареку».

— Уж он в третий раз играет, — улыбнулся дедушка. — Я вам и самоварчик поставил. Думаю, пускай малость поспят. Умаялись, чай, вчера — прямо с дороги.

— А не проспали мы?

— Нет, самое время.

Я быстро встал и оделся. Но разбудить товарища оказалось не так просто.

— Всю ночь не сплю, — бормотал он сквозь сон. — Заболел я. Иди один... — И приятель, повернувшись к стене, сладко всхрапнул.

— Ишь как разнежился, — покачал головой старик. — Что с ним поделаешь?

— А вот сейчас поделаю. — Я зачерпнул ковшом холодной воды и слегка плеснул на лентяя.

Он мигом вскочил, бессмысленно глядя куда-то в угол.

Бормотание сразу прекратилось, и товарищ поспешно схватился за одежду.

Через четверть часа мы уже вышли из сторожки и сразу окунулись в холодную сыроватую мглу весенней ночи.

— Ну и темень! — сказал мой спутник, доставая из сумки электрический фонарь.

Щёлкнул выключатель. Голубой кружок лёг на дорожку

и побежал впереди нас, освещая влажную утоптанную землю и бурю прошлогоднюю траву на обочине. Сначала мы шли через лес, а потом по вспаханному полю. Тут идти было очень трудно: ноги вязли по щиколотку. Казалось, что никогда не выберемся из этой трясины.

Но вот и конец пашне. Под ногами твёрдая земля. А впереди густой щёткой топорщится мелколесье.

С северной стороны под кустами что-то белело. Это последний снег, последняя памятка прошлой зимы.

Пройдя вдоль опушки шагов двести, мы остановились. Нужно было расходиться: приятелю идти к своему шалашу через мелколесье, а мне — к своему, дальше по опушке. Эти шалаши сгородил дед-лесник.

— Ну, ни пуха ни пера! — пожелали мы друг другу, и товарищ исчез в кустах.

Мне идти недалеко. Торопиться было некуда, и я стоял, дышая и слушая затихающие звуки шагов.

Люблю я эти часы уходящей весенней ночи. Темнота становится ещё гуще, небо укрыто облаками, и только в просветах между ними, где-то высоко-высоко мигают неяркие голубые звёзды.

В ночной тишине монотонно бурлит ручей. Вот что-то зашуршало в кустах. Может, лесной зверёк пробежал, а может, трава растёт, топорщится, подымает прошлогодний опавший лист.

Подул ветерок, обдал лицо прохладной весенней свежестью. Как хорошо, не хочется двигаться. Кажется, так бы стоял и вдыхал полной грудью этот свежий, бодрящий воздух и вместе со всей природой набирался новых сил.

Однако долго стоять некогда. Пора идти к шалашу.

Вот он виднеется недалеко от опушки, похожий на большой тёмный куст. Шалаш на току я делаю всегда открытым, чтобы в случае надобности привстать и стрелять через верх.

Раздвинув ветки, я забрался внутрь на мягкую подстилку из сухого сена. Его я принёс из сторожки ещё вчера. Нести не хотелось, зато теперь как приятно сидеть на мягком! Устроившись поудобнее, я задремал в ожидании зари. Но привычное ухо невольно ловило каждый звук просыпающейся природы.

Громко крикая, пронеслась утка над залитой водой низиной. В тёмной вышине, будто барашек, заблеял болотный кулик-бекас. Где-то совсем близко с характерным криком «хор-хор» медленно пролетел вальдшнеп.

Я раздвинул ветки и выглянул из шалаша. Начинало светать. Кусты на опушке уже ясно отделялись от сплошной массы тёмного мелколесья.

Небо на востоке быстро очищалось от облаков и уже теплилось утренним светом зари.

«Давно бы пора им начинать, — с беспокойством подумал я. — Может, сегодня вовсе не затокуют?»

Но в это время где-то вдалеке раздался первый призывный клич тетерева: «Чу-фшшшш... чу-фшшшш...»

И сейчас же с разных концов на него отозвались другие тетерева. Потом послышалось их тихое воркующее бормотание, словно зажурчали невидимые ручейки. Тетерева слетелись на поле и начали распевать свои весенние песни. Как говорят охотники, тетерева затоковали.

Но как далеко от шалаша расселись эти лесные краснобровые петухи! Неужели не подлетят? Ведь я точно поставил шалаш там, где сказал лесник. Уж он-то не ошибётся. В чём же дело?

Я глядел в отверстие между ветвями на посветлевшее поле, на лесную опушку, глядел и слушал чуфыканье и бормотание тетеревов.

Вдруг невдалеке за перелеском что-то грохнуло.

Выстрел — наверное, приятель уже с добычей. Недоброе, завистливое чувство шевельнулось в душе. И сразу сделалось как-то грустно. «Конечно, тетерева не подлетят ко мне. Наверное, я не понял деда и поставил шалаш не на месте».

Захотелось выбраться из засады. Может, лучше побродить по лесу, может, скорее убью петуха, подкравшись из-за кустов.

Снова загредел выстрел, и сейчас же второй.

«Да что же это такое! Он стреляет, а у меня и близко ни одного нет. Мне всегда так не везёт, хоть охоту бросай».

Внезапно все мои размышления были прерваны.

Чёрный как уголь петух, громко хлопая крыльями, подле-

тел к шалашу. Он сел на жнивье шагах в двадцати, насторожённо вытянув шею и оглядываясь по сторонам.

Близко, а стрелять не с руки. И шевельнуться нельзя — сразу улетит.

Я лежал затаив дыхание. «Затокует или перелетит?»

Просидев с минуту, тетерев подскочил и с задорным криком «чу-фшшшш...» отлетел на несколько шагов.

Теперь стрелять ещё неудобнее. Вот и совсем слетел. Экое невезение!

Петух оказался задорным: громко хлопая крыльями, он яростно зывал к себе бойцов.

И подозвал. К весёлому драчуну стали подлетать другие тетерева. Вот уже несколько петухов токуют поодаль. Стрелять далеко, но это полбеды. Теперь есть надежда, что подлетят ближе. Только бы кто-нибудь не спугнул.

Громко чужая, вся компания краснобровых бойцов двинулась к моему шалашу. Держа ружьё наготове, я глядел, не отрывая глаз, на это занятное зрелище.

Первые лучи солнца позолотили серую щетину жнивья. И на золотистом поле бегали, гоняясь друг за другом, чёрные петухи с красными, как два огонька, бровями.

Потом они замирали, припав к земле, вытянув шеи и распутив лирой свои роскошные хвосты.

Бормоча песню, похожую на журчание весеннего ручейка, они очень медленно поворачивались на одном и том же месте, и когда обращались ко мне спиной, то походили со своим распущенным лирой хвостом на чёрные сказочные цветы с ярко-белой серединой и иссиня-чёрными лепестками вокруг неё.

Закончив бормотание, тетерева снова подскакивали и с громким криком задорно бросались друг на друга.

Я терпеливо ждал, когда разыгравшиеся тетерева подбегут к моему шалашу на верный выстрел.

Вдруг мне показалось, что в кустах на опушке леса шевельнулось что-то серое, рыжеватое. Наверное, ветер качнул сухой прошлогодний папоротник.

Вот опять шевельнулось. Нет, это не папоротник.

Я пригляделся да так и замер.

Через кусты, припадая всем телом к земле, пробиралась лиса. Она подкрадывалась к токующим тетеревам.

«Сейчас весь ток разгонит. Что делать? Крикнуть? Всё равно спугнёшь. Лучше подожду».

Лиса подбиралась к тетеревам всё ближе и ближе. Она то замирала, припав к земле, то быстро переползала от одного укрытия к другому. Так она добралась до самого поля. Больше кустов нет, укрыться негде.

Лиса залегла у последнего куста. Своей рыжеватой окраской она настолько сливалась с прошлогодней травой, что я совсем потерял её из виду.

Не подозревая опасности, тетерева продолжали токовать.

За перелеском опять прогремел выстрел. Это уже четвёртый. Но теперь я не обратил на него никакого внимания. Что мне за дело до трофеев приятеля, когда у меня на глазах разыгрывается такая необыкновенная сцена!

В эту минуту я совсем забыл про ружьё и, сгорая от нетерпения, ждал, чем кончится эта любопытная охота.

Гоняясь друг за другом, тетерева то и дело перелетали с места на место.

Вдруг один из петухов шлёпнулся прямо у самой опушки, возле куста, где затаилась лиса.

Бросок. И пойманный тетерев уже бьётся в её зубах. Другие срываются, летят прочь. Я выскакиваю из шалаша. Но лисы давно уж след простыл. Только чёрные перья виднеются на опушке леса возле куста.

Садиться обратно в шалаш после таких «происшествий» уже нет никакого желания. Мне не терпится поделиться с кем-нибудь всем виденным. Лучше пойду потихоньку до места, где условились встретиться с товарищем.

Я иду вдоль опушки. В лесу весело перекликаются зяблики и длиннохвостые овсянки распевают свои звонкие песенки, сидя на самой верхушке молодых ёлочек.

Неожиданно впереди из кустов показывается приятель. За спиной у него топорщится туго набитый мешок.

— Я троечку взял, — ещё издали торжествующе говорит он.

— А я ни одного, но зато какую сцену видел! — И я рассказал историю с лисицей.

— Очень интересно, — промолвил приятель, когда я кон-

чил рассказ. — Правда, такую сцену не часто увидишь. А ведь в этом и есть главная прелесть охоты — заглянуть в тайники природы.

— Да, у нас сегодня у обоих удача, — весело ответил я, нисколько не завидуя его трофеям. — А погляди, какое славное утро!

Действительно, утро было чудесное. Поля и лес, ещё не одетый листвой, и весенний разлив, затопивший низину, — всё было залито ярким солнечным светом.

Мы поднялись на пригорок, остановились передохнуть.

Впереди по полю, ворча и фыркая, медленно двигался трактор, волоча тяжёлые плуги. Они отваливали в стороны чёрные лоснящиеся глыбы земли.

Стая грачей и галок летела вслед, выбирая из свежей пашни разных личинок.

— Смотри-ка, гуси! — неожиданно воскликнул товарищ.

Я взглянул вверх. Прямо над нами, плавно махая крыльями, летели большие серые птицы.

Лёгкое гоготанье послышалось с вышины.

«Куда же они держат путь? — подумал я, провожая глазами вереницу гусей. — Может, в далёкую тундру, а может, остановятся и гораздо ближе, где-нибудь на болотистых островах наших новых морей».

А И С Т Я Т А

Один год мы прожили на Украине, в небольшой станице, среди сплошных вишнёвых садов.

Неподалёку от нашего дома росло старое дерево. И вот однажды ранней весной на него прилетел и уселся аист. Он долго что-то осматривал, неуклюже переступая на своих длинных ногах по толстому суку. Потом улетел.

А на следующее утро мы увидели, что на дереве хлопотали уже два аиста. Они устраивали гнездо.

Скоро гнездо было готово. Аистиха снесла туда яйца и стала их насиживать. А аист то улетал за кормом на болото, то стоял около гнезда на суке, поджав под себя одну ногу. Так,

на одной ноге, он мог простоять очень долго, даже мог немного вздремнуть.

Когда в гнезде вывелись аистята, для старых аистов начались большие хлопоты. Птенцы были очень прожорливы. Они целый день требовали еды, и аисты-родители по очереди с утра до вечера таскали им из болота лягушек, рыбёшек, ужей.

Пока один из аистов летал за кормом, другой стоял на краю гнезда — караулил птенцов. Как только он замечал подлетевшего к гнезду второго аиста, он закидывал голову на спину и громко трещал клювом, словно трещоткой. Ведь аисты кричать не умеют и приветствуют друг друга, часто-часто щёлкая клювом.

Прилетевший отдавал добычу детям и садился отдыхать у гнезда, а другой аист тут же улетал охотиться за лягушками на болото. Так аисты целые дни по очереди кормили птенцов. А когда те подросли и стали ещё прожорливее, тут уж оба родителя начали вместе летать и добывать детям корм.

Прошло ещё недели полторы, и вдруг один из аистов-родителей исчез. Что с ним случилось, неизвестно: может, его убили, а может, и сам от чего-нибудь погиб.

Вот когда настала трудная пора для оставшегося аиста! Птенцы стали уже совсем большими. Их было трое, и они требовали очень много еды.

Как только начинало светать, аист уже спешил на болото за добычей, приносил её, совал в рот одному из птенцов и, не отдыхая ни минуты, летел обратно на охоту.

Так он трудился до позднего вечера.

Нам было очень жаль бедную птицу, но мы не знали, чем ей помочь.

Один раз мы пошли ловить на речку рыбу. Возвращаемся домой и видим, что все три аистёнка тянут из гнезда свои длинные шеи, открывают клювы и просят есть. А аиста около гнезда нет. Значит, на болоте лягушек ловит.

— Что, если попробовать их рыбой покормить? — предложил мой товарищ.

В тот же миг мы залезли на дерево. Увидев нас, аистята заволновались, засуетились, чуть из гнезда не попадали.

Но вот один из них заметил в руках у меня рыбёшку. Аистёнок потянулся к ней, схватил клювом и проглотил. Другие сейчас же последовали его примеру.

Мы отдали аистят всю нашу рыбу, слезли с дерева и тут только увидели старого аиста. Он поспешно подлетел к гнезду и стал беспокойно осматривать, всё ли там в порядке.

С этих пор мы каждый день начали кормить аистят: ловили специально для них рыбок и лягушек.

Аистята очень быстро смекнули, в чём дело. Как только мы влезали на дерево, они все разом тянули к нам из гнезда свои длинные шеи и раскрывали рты, прося, чтобы мы их накормили.

Наконец наши питомцы совсем выросли. Они покрылись перьями и начали вылетать из гнезда. И тут нам от них просто житья не стало — аистята не давали нам проходу. Стоило только показаться во дворе, как они слетали с гнезда и опрометью бросались к нам, требуя еды.

А взрослый аист как будто понял, что и без него дело обойдётся: всё реже и реже приносил детям корм. Большую часть дня он или бродил по болоту, поедая лягушек, или дремал на

дереве возле гнезда. Аист дремал на дереве, а в это время аистята гонялись за нами по двору, требуя еды.

Однажды они увязались с нами на болото. Там было много лягушек. Аистята начали ловить их сами и вовсе забыли про нас. С этого дня они каждое утро стали летать на болото — охотиться за лягушками и другой добычей.

Лето кончалось. Все аисты собирались в стаи, готовясь к отлёту. Наши тоже перестали ночевать на дереве у гнезда — наверное, примкнули к какой-нибудь стае, и мы уже начали забывать о своих питомцах.

Но вот как-то раз идём мы с рыбной ловли домой. Смотрим — по лугу разгуливает стая аистов. Заметили нас, насторожились — сейчас полетят. Вдруг видим: от стаи отделяются три аиста и направляются прямо к нам.

— Да это же наши аистята! — обрадовались мы и начали манить их рыбой.

И вот эти большие дикие птицы подбежали к нам, захлопали крыльями, засуетились — так и хватают рыбу из рук!

Схватит рыбёшку клювом, подбросит вверх, перехватит поудобнее и проглотит; а потом от удовольствия даже голову на спину закинет и клювом защёлкает.

Наши аисты рыбу из рук едят, а вся стая издали смотрит. Шеи вытянули, глядят — ничего, видно, понять не могут.

Наелись аистята, клювами в благодарность похлопали и обратно к стае вернулись. А мы домой пошли.

Больше мы их не видели.

Холодно стало. Улетели они на тёплый юг.

ЛЕБЕДИ

В начале мая приехал я из Москвы на Белое море. За одни сутки скорый поезд пронёсся более тысячи километров, и мы обогнали весну, которая не спеша, по старинке, со всеми своими гусями, лебедями и бесчисленной птичьей мелочью тоже двигалась с юга на север.

Так и посчастливилось мне в тот год два раза встретить весну: один раз в Москве, а другой раз — у Белого моря.

И до чего же хорошо в эту пору в суровом лесном краю! Вот где природа действительно ликует после долгого зимнего сна. День прибывает не так, как у нас — «на воробыный шаг». Весной на севере ночь словно тает, как остатки льда по рекам и озёрам. Да, природе есть куда и торопиться. От сплошной темноты зимой нужно перейти к летнему круглосуточному дню. Солнцу надо успеть растопить глубокие зимние снега и хорошенько прогреть землю, чтобы всё кругом зацвело, зазеленело. Ведь недолго гостят на севере весна и лето. Вот солнце и спешит в этот короткий срок отдать земле побольше тепла и света.

Я наблюдал за ходом весны прямо из окна домика, где остановился по приезде.

Перед моим окном был палисадник. В нём росло несколько молодых берёзок, и через их тонкие ветви мне была видна просторная гладь Белого моря.

Оно уже очистилось ото льда. Огромные стаи гусей и уток неслись над водой. Птица летела с юга больше ночами, когда в небе разливались прозрачные сумерки, а море серебрилось и поблёскивало, отражая свет негаснущей зари.

Иногда утки, гуси и даже лебеди опускались на море отдохнуть. Они плавали и купались в ледяной воде, радостным криком оглашая тишину весенней ночи. А как только край неба над морем начинал розоветь, птицы вновь поднимались в воздух и летели навстречу свету, куда-то в ясную предутреннюю даль.

Но вот однажды утром, выглянув, как обычно, в окно, я увидел на море совсем недалеко от берега большую снежно-белую птицу. Она беспокойно плавала взад-вперёд, высоко подняв голову на длинной шее, и тоскливо кричала.

Да ведь это же лебедь-кликун!

Но почему эта осторожная птица держится здесь, на открытой воде, у самого рыбацкого посёлка, никуда не улетает? Может быть, она ранена и не в состоянии лететь?

Я поскорее оделся, взял бинокль и пошёл на берег, чтобы выяснить, в чём дело.

На берегу возле огромных рыбацких лодок играли ребята. Тут же лежали ещё не убранные мокрые сети. Очевид-

но, рыбаки только недавно вернулись с моря, и дети играли, выбирая оставшихся на песке мелких рыбёшек.

Я подошёл к самой воде и поглядел в бинокль на лебедя. Ребятишки окружили меня.

— Дядя, поймайте его. Он не улетит, — заговорили они.

— Почему не улетит? — спросил я.

— Рыбаки его пару словили. Вот только сейчас домой унесли.

— А как он за ними гнался! — воскликнул один мальчуган. — Чуть сам в лодку не влетел. Так следом и плывёт, кричит, крыльями по воде хлопает... До самого берега проводил...

— Подождите, — перебил я, — кто лебедя поймал?

— Иван Васильевич Федотов поймал, — ответили дети.

Узнав от ребят, где живёт Федотов, я тут же отправился в слободу. Отыскать рыбака было нетрудно. Вся слобода уже знала о случившемся, и мне сразу показали его дом.

Хозяина я застал за завтраком. Это был молодой парень огромного роста, белокурый, сероглазый. Он, видимо, только что сбросил рыбацкую одежду, переоделся по-домашнему во всё чистое и, сидя за столом, с аппетитом ел кашу.

Я поздоровался и спросил:

— Вы сегодня поймали лебедя?

— Да, я. Вот добыча-то попалась! — широко улыбаясь, ответил он.

— Как же вы его поймали?

— Я и не ловил, он сам в сеть запутался. Ставная сеть у меня на мели стояла, он лапой за верхние ячеи и зацепился. А уж перепутал всё — не разберёшь. Насилу я его высвободил. Да не даётся ещё, крыльями, клювом бьёт. Всего измочил до нитки. Здоровенный такой! Хотите поглядеть! Он у меня в чулане сидит.

— Очень хочу, — сказал я. — А что же вы будете с ним делать?

Хозяин поглядел на меня удивлённо:

— Как — что? Отвезу в город, отдам в музей. Там, наверное, возьмут. Ведь лебедя не так-то легко поймать.

— Это верно, — согласился я, — только зря вы его всё-

таки взяли, а тем более лебёдку, да ещё весной. Сами подумайте: сейчас дикая птица летит с юга на родину — вить гнёзда, птенцов выводить, а вы вот пару разбили.

Парень внимательно слушал меня и, видимо, был в некоторой растерянности.

— Что ж теперь делать-то? — спросил он. — Ежели её обратно в море пустить — найдёт она своего дружка?

— Его и искать нечего, — ответил я, — он всё на том же месте плавает.

— Так я сейчас её на берег снесу и выпущу, — заторопился парень. — Я мигом сбегаю.

И он, не доев кашу, быстро встал из-за стола, надел куртку и прямо без шапки, с распахнутым воротом шагнул за порог. Я последовал за ним.

Часть сеней была отгорожена в виде тёмного чуланчика. Хозяин осторожно приоткрыл дверь и, загородив лицо рукой, чтобы лебедь не ударил его клювом, вошёл внутрь. Я придерживал дверь. В чуланчике послышался шум, и через секунду рыбак появился оттуда, неся пойманную птицу. Крылья у неё были связаны.

Мы вышли на крылечко.

Увидя солнце и море, лебедь начал рваться из рук, пытаясь высвободить связанные крылья, и вдруг протяжно закричал. И сейчас же откуда-то издали, с золотистых морских отмелей, раздался такой же протяжный ответный крик.

Мы взглянули туда. Низко, над самой водой, прямо к берегу летела огромная белая птица. Она сделала круг и опустилась на воду почти у рыбацких лодок.

— Эх, дружище, сколько я тебе беды натворил! — сокрушённо сказал рыбак. — Ну, потерпи чуток, сейчас твою подружку отдам.

И он зашагал ещё быстрее, так что я еле поспевал за ним.

— Постойте, Иван Васильевич, — сказал я, когда мы проходили мимо моего домика. — Уж раз вы поймали лебедя, я вас с ним сфотографирую.

— Вот это хорошо! — обрадовался рыбак.

Я зашёл домой, взял фотоаппарат, и мы пошли на берег.

— Несут! Охотники лебедя несут! — закричали у лодок ребяташки. — Сейчас другого подманивать и ловить будут!

— Тише вы, чего загалдели? — добродушно прикрикнул на них Иван Васильевич. — Никого мы ловить не будем.

— Вот сфотографирую вас всех, и выпустим лебедя на волю, — добавил я.

Ребята сейчас же окружили рыбака и стали гладить пойманную птицу.

Так я и снял их всех вместе.

— А теперь, Иван Васильевич, давайте я вас одного сниму, как вы лебедя выпускать будете.

Иван Васильевич подошёл к самой воде. Я навёл аппарат... Какой хороший получился снимок! Берег моря, и на переднем плане — высокий, широкоплечий рыбак, настоящий русский богатырь, а в руках у него пойманная лебёдка. Передо мной словно ожила старая русская сказка про Иванушку и царевну Лебедь.

Рыбак развязал крылья пойманной птицы и осторожно опустил её на землю.

Почувствовав себя вновь на свободе, лебёдка бросилась в море, замахала крыльями, точно побежала по воде, потом оторвалась от неё и полетела вдаль, оглашая воздух радостным криком. А навстречу ей уже летел давно поджидавший её лебедь.

Вот обе птицы встретились в воздухе и, плавно махая огромными белыми крыльями, полетели вместе над морем всё дальше и дальше, туда, где на самом горизонте темнели низкие пологие острова.

ДОМИК В ЛЕСУ

Уже начинало смеркаться. Еле волоча от усталости ноги и отбиваясь от несметного количества комаров, я поднялся на возвышенность и огляделся. В полумгле уходящего дня всюду виднелся лес и лес, и только очень далеко впереди из-за деревьев что-то синело — не то вода, не то дымка тумана над лесным болотом.

Куда же идти?

Местность была совсем незнакомая. А ведь карельская тайга — это не шутка. Можно пройти по ней десятки километров, не встретив ни души. Можно забраться в такие лесные топи, что обратно и не выберешься. А я, как на грех, на этот раз не взял с собой ни еды, ни спичек, и, главное, не захватил компаса.

Вышел утром побродить немного за деревней по лесу, да сам и не заметил, как заблудился.

Я ругал себя за такую неосторожность, но что же теперь делать? Идти по тайге среди бурелома и страшных болотных топей, идти неизвестно куда или ночевать прямо в лесу, без огня, без еды, в комарином аду? Нет, ночевать здесь невозможно.

«Пойду, пока хватит сил, — решил я. — Пойду туда, где синее вода или туман. Может, там озеро и я выберусь к какому-нибудь жилью».

Вновь спустившись с возвышенности и стараясь не потерять взятого направления, я пошёл вперёд.

Кругом был сосновый заболоченный лес. Ноги тонули в толстом покрове мха, как в глубоком снегу, поминутно натывались то на кочки, то на остатки сгнивших деревьев. С каждой минутой становилось всё темнее и темнее. Потянуло вечерней сыростью, сильнее запахло багульником и другими болотными травами. Надвигалась глухая таёжная ночь. Привычные звуки дня сменились таинственными шорохами ночи.

Я — старый охотник, не раз ночевал в лесу, а главное, со мною надёжный спутник — ружьё. Чего же бояться? Но, признаюсь, в этот раз мне становилось всё более и более жутко. Одно дело — ночлег у костра, в знакомом лесу, а другое дело — ночёвка в глухой тайге, без огня, без еды... и это томящее чувство, что ты заблудился.

Я шёл наугад, то спотыкаясь о корни, то вновь неслышно ступая по мягкому моховому покрову. Кругом было совсем тихо. Ни один звук не нарушал покоя бесконечных лесных просторов.

От этой мертвящей тишины становилось ещё тоскливее и тревожнее. Казалось, кто-то страшный затаился в болотистых топях и вот-вот сейчас выскочит из них с диким, зловещим криком.

Настораживаясь от малейшего шороха и держа наготове ружьё, я вошёл в окраину болота.

Неожиданно раздался громкий треск валежника. Я невольно вскинул ружьё. Прочь от меня стремительно понёсся кто-то большой, тяжёлый. Было слышно, как под ним с треском ломались сухие сучья.

Я перевёл дух и опустил ружьё. Да это же лось, безобидный гигант таёжных лесов! Вот он уже мчится где-то далеко, его еле слышно. И вновь всё смолкает, погружается в тишину.

Я совсем потерял в темноте направление, по которому вначале шёл. Потерял и всякую надежду куда-нибудь добраться. Шёл с одной только мыслью: во что бы то ни стало выбраться из этой мрачной, заболоченной низины на какую-нибудь воз-

вышенность, а там лечь под дерево, укутать голову курткой от комаров и ждать рассвета.

От сильной усталости мне даже не хотелось есть. Только бы поскорее лечь, отдохнуть, никуда больше не идти и ни о чём не думать.

Но вот впереди что-то темнеет — должно быть, лесной холм. Собрав остаток сил, я взобрался на него и чуть не вскрикнул от радости. Внизу, за холмом, ярко светил огонёк.

Забыв об усталости, я почти бегом спустился с холма и, пробравшись через колючие кусты можжевельника, вышел на поляну.

На краю её под старыми соснами виднелся маленький домик — наверное, промысловая избушка или сторожка лесника. А перед домиком ярко горел костёр. Как только я появился на поляне, от костра поднялась высокая фигура человека.

Я подошёл к огню:

— Здравствуйте! Можно у вас переночевать?

— Конечно, можно, — ответил рослый человек в какой-то странной широкополой шляпе.

Он внимательно оглядел меня:

— Вы что — охотник, наверное?

— Да, охотник из Заонежья. Заблудился немного. — Я назвал свою деревню.

— Ого, и занесло же вас в такую даль! Это километров тридцать отсюда будет. Измучились? Хотите поесть? Сейчас уха и чай поспеют. Отдыхайте пока.

Я поблагодарил и совсем без сил опустился рядом с костром.

В него было набросано много сосновых шишек, и их едкий дым разгонял комаров.

Вот когда я наконец вздохнул от всего сердца! До чего же хорош костёр в лесу, когда доберёшься до него после долгих, томительных скитаний... Сколько тепла и жизни в этих перебегающих золотых огоньках!.. А как уютно, хорошо бурлит, закипая, чайник, будто напевает песню об отдыхе после далёкого, трудного пути.

Мой новый знакомец отошёл от костра и скрылся в домике.

Я огляделся кругом. Огонь мешал рассмотреть, что находится за поляной. С одной стороны, прямо за домиком, слабо виднелся лес, а с другой стороны поляна словно обрывалась куда-то в темноту, и оттуда слышался лёгкий монотонный плеск волн. Наверное, там было озеро или река.

Хозяин вышел из домика, неся деревянную миску, ложки и хлеб.

— Ну, давайте закусим, — пригласил он, наливая из котелка в миску дымящуюся уху.

Кажется, никогда в жизни не ел я такой чудесной ухи и не пил такого душистого чая с малиной.

— Кушайте, кушайте, не стесняйтесь, у нас этой ягоды пропасть по гарям растёт, — говорил мне хозяин, пододвигая кузовок, доверху наполненный крупными спелыми ягодами. — Здорово вам подвезло, что сюда забрели, а то могли бы в этих лесах проплутать. Вы что же, не здешний, верно?

Я рассказал, что приехал сюда на лето из Москвы.

— А вы здешний? Это ваш домик? — в свою очередь спросил я у него.

— Нет, я тоже из Москвы. Я художник, зовут меня Павел Сергеевич, — представился мой собеседник. — Вот уж никак не думал здесь, в тайге, москвича встретить! — засмеялся он. — Я-то в Карелии не первый год, третье лето провожу. Так мне, знаете, этот край по душе пришёлся, будто век тут прожил. У меня в Петрозаводске и лодка своя есть. Как приезжаю из Москвы, сейчас все пожитки в лодку — и поплыву. Сперва по озеру, а потом по этому заливу. Он ведь прямо в Онегу выходит. Первый раз я случайно сюда заплыл. У меня палатка с собой была, в ней и жил. А потом на эту хижину наткнулся и обосновался в ней.

— Что же это за хижина?

— Кто её знает! Верно, когда-нибудь лесная сторожка была или рыбацья избушка. Только никто здесь не бывает. Может, охотники зимой заходят. А вот летом я здесь живу, пишу этюды да рыбку ловлю.

— А вы не охотник? — спросил я его.

— Нет, не охотник, — ответил Павел Сергеевич. — Я, наоборот, стараюсь всякую живность сюда приманить. И, чур,

первое условие: возле этого домика не стрелять, а то сразу поссоримся.

— Что вы, зачем же я буду здесь стрелять! Лес велик, места хватит.

— Ну, значит, так и договорились. А теперь идёте спать, — пригласил меня хозяин.

Мы вошли в домик. Павел Сергеевич засветил электрический фонарь и направил его в угол.

Там я увидел широкие нары, завешенные пологом от комаров.

Мы забрались под полог, разделись и улеглись на мягкой постели из толстого слоя мха, укрытого чистой простынёй. Подушки были тоже набиты мхом. От этой постели и от всей хижины удивительно хорошо пахло лесной свежестью. Окно и дверь были открыты настежь. Под пологом было прохладно и совсем не кусали комары. С зловещим завыванием носились они вокруг нас, но достать никак не могли, сколько ни пытались.

— Посмотрите-ка, что делается, — сказал Павел Сергеевич, вновь зажигая фонарик и направляя его на полог.

Я взглянул на освещённый круг прозрачной материи, и мне сделалось жутко: вся она казалась живой от сплошной массы облепивших её снаружи комаров. «Без полога за ночь нас совсем бы съели. Какое счастье, что я набрёл на эту лесную избушку!»

— Ну, а теперь послушаем, что говорит Москва, да и спать, — сказал Павел Сергеевич, доставая из угла полога маленький детекторный приёмник и наушники.

— Как, у вас и радио есть? — удивился я.

— А то как же! Газет здесь нет — надо же знать, что на свете делается. Да и хорошую музыку неплохо послушать. Как-то на днях Чайковского передавали, концерт для скрипки. Я положил наушники рядом на подушку и весь вечер слушал. Чудесно! Вы только представьте себе: кругом тайга, сосны шумят, озеро плещется — и тут же скрипка поёт... Знаете, слушаю, и кажется мне, что это вовсе не скрипка, а ветер — сама тайга поёт... Так хорошо — всю ночь бы не отрываясь слушал! — Павел Сергеевич достал папиросу и закурил. — А на

будущий год обязательно привезу сюда маленькую динамку, установлю на потоке и проведу себе в домик электричество. Тогда и осенью здесь подольше оставаться можно, до самого ледостава. Буду писать тайгу в осеннем уборе.

Павел Сергеевич настроил радио и положил наушники между нами на подушку. Слышно было прекрасно, но я так устал, что ничего уже не мог слушать. Я повернулся к стене и заснул как убитый.

Проснулся я оттого, что кто-то легонько тряс меня за плечо.

— Привстаньте потише, — шептал Павел Сергеевич. — Поглядите на моих гостей.

Край полога был приподнят, и я выглянул из-за него.

Уже совсем рассвело. В раскрытую настежь дверь была видна полянка и за ней неширокий лесной затон. У самого берега покачивалась привязанная лодка.

Но что это? На берегу возле лодки, как у себя дома, разгуливала семья медведей: медведица и два уже подросших медвежонка.

Они что-то подбирали с земли и ели.

Я смотрел на них, боясь шевельнуться, боясь неосторожным движением спугнуть этих чутких лесных зверей, так доверчиво подошедших к самому жилью человека.

А медведи всё продолжали свой утренний завтрак. Потом, видимо наевшись, медвежата начали возню. Они кувыркались и боролись друг с другом. Вдруг один из медвежат подбежал к берегу и мигом залез в лодку. Второй сейчас же последовал его примеру. Медвежата поместились в лодке и принялись её раскачивать. А старая медведица уселась тут же на бережок и следила за детворой.

Медвежата и в лодке затеяли борьбу. Они возились до тех пор, пока не свалились в воду. Фыркая и отряхиваясь, оба выскочили на берег и продолжали свою игру.

Не знаю, сколько времени длилось это необычайное зрелище — может, час, а может, и больше. Наконец медвежья семья убралась обратно в лес.

— Ну что, поглядели моих гостей? Хороши? — весело спросил Павел Сергеевич.

— Очень хороши. Неужели они не первый раз сюда приходят?

— Нет, очень часто, почти каждое утро. Я как сварю уху, бульон отцēju, а всю вываренную рыбу на бережку оставляю. Это им угощение. Первый раз медведица ещё в начале лета ко мне в гости пришла — видно, рыбу учуяла. С тех пор и навещает. Я и медвежат рыбой в лодку заманил. Начал туда класть, вот они лазить и повадились. А какие зарисовки я с этого медвежьего семейства сделал! Хотите поглядеть?

Я с радостью согласился.

Мы быстро оделись и выбрались из-под полога.

Домик состоял из одной комнаты. Под окном находился чисто выструганный стол, заваленный кусками холста, кистями, красками и разными рыболовными принадлежностями. В углу виднелись удочки, спиннинг, подсажек. Вообще сразу чувствовалось, что в этом домике живёт рыболов и художник.

— Ну, вот плоды моих трудов, — шутиливо сказал Павел Сергеевич, подходя к столу, и начал показывать мне свою работу. Это были небольшие, незаконченные наброски.

Павел Сергеевич осторожно, с любовью брал их один за

другим и ставил к стене. И передо мной начала раскрываться жизнь лесных обитателей карельской тайги. Тут были и знакомые мне медведжата на залитой солнцем полянке, и лосиха с лосёнком, бродившие по моховому болоту, и лисье семейство у своей норы, и зайцы, и множество различных птиц — тетерева, глухари, рябчики... Звери и птицы, как живые, то, чутко насторожившись, глядели на меня, то мирно разгуливали среди зелёных кустов.

А какие чудесные уголки природы! Вот горный поток несётся среди серых гранитных скал и вдруг разливается в небольшой водоём...

— Здесь я форелей всегда ловлю, — говорит Павел Сергеевич. — А это Онежское озеро, когда выплываешь из залива. — И он показывает небольшой этюд: вода, солнце, лесистые берега, и у самого берега возле камышей — две ггары.

Как всё это живо и как знакомо! Словно сам бродил по глухой тайге, а потом выбрался на широкий водный простор Онеги.

Я пересмотрел все этюды. Каждый из них был хорош по-своему, и в каждом было что-то новое, своё, а главное — чувствовалась душа самого художника, горячо любящего этот суровый лесной край.

— Очень, очень хорошо! — сказал я, когда мы пересмотрели всё. — Счастливцев, вам можно и не охотиться. Всё равно повезёт домой такие трофеи, которые нам, охотникам, и не снятся.

Павел Сергеевич улыбнулся:

— Да, карандаш и кисть мне вполне заменяют ружьё. И, кажется, ни я, ни дичь от этого не в убытке.

Мы вышли из домика. Было утро. Солнце только ещё поднялось, и лёгкий ночной туман розовым облаком плыл над тайгой.

Разводя костёр, мы напились чаю, и Павел Сергеевич подробно объяснил мне обратную дорогу к дому.

— Приходите ещё! — сказал он на прощание, когда я уже поднимался на холм.

Я обернулся. Весь домик был виден как на ладони, а пе-

ред ним — полянка, залив и дальше лес, лес до самого горизонта.

— Обязательно приду! — ответил я и спустился с холма в лесную чащу.

БУДЬ ЗДОРОВ!

Я очень люблю поехать на охоту не один, а с кем-нибудь из приятелей, но при одном условии: мой спутник должен тоже понимать и любить охоту, а не просто бродить со мной в качестве постороннего наблюдателя.

Поэтому я решительно запротестовал, когда мой друг Георгий Николин, отличный товарищ, но вовсе не охотник, решил вместе со мной поехать на глухариный ток.

— Но проводить тебя, надеюсь, можно? — спросил Георгий.

— Конечно, можно. Я тебя всегда рад видеть, только не на охоте.

Мы дружески попрощались, и Георгий ушёл домой. А я, закончив приготовления, лёг спать.

На следующее утро ровно в девять часов я был уже на вокзале, взял билет и пошёл садиться в вагон.

Товарищ поджидал меня на перроне. Его наряд несколько удивил меня. Георгий был одет в короткую куртку и высокие сапоги.

— А ты куда собрался? — спросил я его.

— Как — куда? Тебя провожать, — невинно улыбаясь, отвечал он. — Ты ведь вчера позволил. Я уж и билет купил.

Негодование моему не было границ.

В вагон мы сели не разговаривая. Приятель поместился на соседней лавочке и робко поглядывал на меня. Я делал вид, что его не замечаю.

Поезд тронулся. Мы молча глядели в окно. В душе у меня всё кипело от возмущения, и я был даже не рад, что поехал на охоту. Так началось наше совместное путешествие.

Но как только поезд выбрался из пригорода на деревенский простор, моё дурное настроение сразу будто рукой сняло.

Через минуту мы с приятелем, забыв временную размолвку, уже стояли рядом возле окна и с радостью наблюдали картины весны.

Поезд, набирая скорость, мчался среди полей и лугов. Снег на них уже стаял, и всюду сверкали огромные лужи вешней воды.

Мы проезжали через мосточки. Внизу под ними, бурля и пенясь, неслись водяные потоки.

За окном мелькали осиновые и берёзовые перелески. Ещё не одетые в зелень листы, они казались совсем прозрачными. Земля под деревьями была устлана прошлогодней листвой, а по овражкам среди кустов ещё белел нарастающий снег.

День в пути прошёл незаметно, и я был даже рад, что поехал не один, а с приятным мне человеком, который тоже любит природу и с которым можно поговорить по душам.

На место назначения мы прибыли только на следующее утро.

Маленький полустанок, затерявшийся в лесу; потом километров десять пешком по лесной дороге; переправа через ручьи; короткие отдыхи на полянах, пахнущих талой землёй и сморчками; и, наконец, сторожка приятеля-лесника.

Наступило блаженство отдыха после трудного перехода; чай за кипящим самоваром и волнующие душу охотника рассказы хозяина о том, что «глухарь уже токует вовсю».

Отдохнув и закусив, я пошёл с товарищем побродить немного по лесу возле сторожки.

Мир между нами был уже совсем восстановлен, и я теперь от всей души хотел показать моему другу всю прелесть картины весеннего тока глухаря.

— Только для этого тебе надо сперва получить о ней хотя бы самое общее представление, а потом как следует потренироваться, — говорил я Георгию. — Слушай меня. Глухарь начинает токовать на ранней заре. В лесу ещё совсем темно, а он уж запел. Глухарь — птица очень чуткая и осторожная, подкрасться к нему, когда он молчит, почти невозможно: только хрустнет сучок под ногой — сразу услышит и улетит. Зато когда он поёт, тут дело другое. Поёт глухарь по-особенному:

сперва будто деревянной ложкой о ложку постукивает: «Те-кё, те-кё, те-кё...» Постукает и замолчит. Затем снова начнёт: «Те-кё, те-кё, те-кё...», всё чаще, чаще... да как закатится! А потом словно ножик о ножик точить начнёт: «Щчаю, щчаю, щчаю...» Это второе колено песни. Когда он его распекает, совсем глухой становится, хоть из пушки пали — не услышит. На этом вся охота и основана. Только глухарь начнёт «точить», охотник делает к нему два-три прыжка. Не беда, если под ногой сучья хрустят, вода хлюпает: глухарь ничего не услышит. Зато как он кончил петь, сразу на месте замри, не шелохнись. Как стал, так и стой. Самая трудность при этой охоте в том, что поёт глухарь очень тихо, издали его едва слышно. А скакать к нему приходится в темноте, и при этом надо точно рассчитывать каждое движение, чтобы не зашуметь невпопад, без песни, иначе всё дело пропало. В один миг за деревья шмыгнёт.

Приятель слушал мои объяснения очень внимательно. Когда я кончил, он спросил:

— А в чём же мне надо потренироваться?

— Вот в чём. Я сейчас принесу из сторожки пустую банку из-под консервов и ножик, — сказал я, — потом отойду от тебя шагов на двадцать и буду постукивать и чиркать ножом по банке, будто глухарь поёт, а ты должен ко мне подсказывать со всеми предосторожностями, чтобы не хрустнуть ничем, когда я «точить» перестану.

— Отлично! Давай попробуем, — с радостью согласился Георгий.

Я принёс нужные инструменты, и мы, отойдя поглубже в лес, начали репетицию предстоящей охоты.

Я постукивал и «точил» на совесть: то затягивая песню, то неожиданно обрывая её, как это делает глухарь на току. А приятель приближался ко мне прыжками и потом замирал, иногда в самых живописных положениях, стоя на одной ноге или споткнувшись и присев на корточки.

В таких неудобных позах я нарочно выдерживал его подольше, чтобы он получше натренировался.

— Слушай, это уже свинство с твоей стороны! — обиженно говорил он в минуты отдыха. — Я только поднял ногу —

валежину перешагнуть, — а ты петь перестал. Вот и стой на одной ноге, как журавль. Да ещё издеваешься — тетекаешь, а не шипишь. Минут пять меня на одной ноге продержал!

— Это всё пустяки, — утешил я его. — На охоте иной раз и похуже приходится. Сейчас хоть светло, а там и вовсе в темноте поскачем. Я однажды не разглядел — в лужу свалился. А глухарь замолчал. Так и пришлось в воде минут десять лежать, пока он запел снова.

Закончив тренировку, мы с Георгием пошли отдохнуть до вечера. С наступлением темноты я решил ещё раз проверить умение приятеля подходить к глухарю под песню.

— Послушай, а нельзя ли не проверять? Я ведь и так всё усвоил, — робко попросил мой друг.

Но я был неумолим.

Ночной урок оказался много труднее дневного. Приятель ломился по лесу, как медведь. Он то падал, споткнувшись о пень, то залезал в кусты, откуда никак не мог выбраться. Тренировку мы кончили только за полночь. Ложиться спать было некогда. Уже настало время идти к месту тока.

Шли мы не торопясь по заглохшей лесной дороге. А кругом разросся старый сосновый бор. Пахло сыростью и хвоей.

Небо подёрнуло облака. Было очень темно. Мы двигались почти ощупью.

— А глухари теперь, наверное, спят и не думают, что мы их идём стрелять, — неожиданно промолвил мой спутник. — Скажи мне по совести, не жалко тебе убивать такую красивую, мощную птицу?

От такого вопроса я сразу насторожился.

— Слушай, Георгий, — строго сказал я, — ты только не вздумай мне на охоте мешать, а то как следует поссоримся. Лучше вернись от греха в сторожку, а я один пойду.

— Ну что ты! — возразил товарищ. — Я ведь обещал, что буду тебя слушаться. Это, брат, не по-приятельски: весь день меня муштровал, а теперь домой гонишь!

— Я тебя не гоню, а только предупреждаю.

— И предупреждать нечего, — отвечал Георгий. — Только вот что я тебя попрошу: когда подойдём к глухарю, не стреляй сразу, дай мне его рассмотреть получше.

— Это можно. Я и сам люблю на него поглядеть. Уж когда подкрался к нему, торопиться некуда.

— Ну, вот и договорились, — примиряюще сказал мой друг. — А ты сразу закипятился, хотел меня домой прогнать.

Переговариваясь, мы прошли километра два по дороге и дошли до мостика через ручей.

— Тут и подождём, — указал я. — За ручьём начинается сосновая грива, а дальше моховое болото. Глухари обычно токуют на этой гриве.

Мы уселись на бугорке возле моста. Внизу, у самых ног, журчала вода. После ходьбы по лесу и бессонной ночи так и тянуло прилечь на землю, закутаться получше в куртку и, закрыв глаза, слушать знакомую с детства песенку ручейка. Но мы крепились, чтобы не проспать ток.

Вдруг где-то вдаль на болоте послышался дикий хохот.

— Кто это? — спросил Георгий. — Сова?

— Нет, петушок белой куропатки затоковал, — ответил я. — Значит, скоро начнёт светать.

Мы посидели ещё минут двадцать. Куропатки кричали всё чаще и чаще. Потом где-то совсем близко с хорканьем пролетел над ручьём вальдшнеп.

— Пора, — тихо сказал я. — Уже вальдшнепы потянули.

Мы встали с бугра и, перейдя через мост, свернули на еле заметную стёжку, которая тянулась по самому краю гривы.

Было ещё темно. Мы шли очень осторожно, останавливаясь через каждые десять — пятнадцать шагов и чутко прислушиваясь.

— Слышишь, поёт! — шепнул я приятелю.

Тот отрицательно покачал головой.

— Ну, иди за мной, только потише.

Мы, крадучись, направились дальше по стёжке. Прошли ещё шагов тридцать и выбрались на бугорок.

Отсюда уже ясно слышались в стороне таинственные звуки глухариной песни.

«Те-кё, те-кё, те-кё!» — будто кто-то невидимый в глубине леса обламывал сухие сучки. И сейчас же следом раздавался какой-то неясный щебет, не то стрекотание.

— Теперь шагай за мной нога в ногу, — шепнул я Георгию в самое ухо и, выждав, когда глухарь «застрекотал», сделал шаг в сторону от дорожки.

Приятель, конечно, опоздал и захрустел много позже. Но я нарочно сделал всего один шаг, так что мы оба замерли ещё до конца песни. Снова глухарь запел, и снова один-два шага. К счастью, идти приходилось по сравнительно чистому месту. Кустов пока что не попадалось. Чувствуя, что товарищ приловчился, я начал идти быстрее, небольшими скачками. Георгий немного отстал. Я остановился, давая возможность ему подойти.

Снова уже где-то недалеко, в тёмной кроне уснувших сосен, слышится таинственное щебетание. И в такт ему, слышу, товарищ делает скачок, другой и с размаху ударяется лбом о дерево.

— У-у, чёрт!.. — невольно восклицает он.

Я в ужасе замираю: «Неужели спугнул?» Но нет, глухарь ещё продолжает «точить» — значит, не слышал.

После неожиданного столкновения с сосной приятель стоит не двигаясь, пропускает одну, другую песню, очевидно, никак не может опомниться от удара. Наконец на третьей песне он вновь скачет и присоединяется ко мне.

Дальнейший путь мы уже не скачем, а осторожно крадёмся шаг за шагом. Глухарь где-то совсем близко — страшно его спугнуть.

Начинает светать. Впереди — крохотная поляна. На ней — ползасохшая сосна. Оттуда и слышится глухариная песня.

Мы подбираемся к самому краю полянки. Дальше идти уже некуда. До сосны не более пятнадцати — двадцати шагов.

Притаившись возле деревьев, пытаемся разглядеть в пред-рассветных сумерках крылатого певца.

Да вот он сидит на толстом сухом суку.

Дождавшись песни, я спрашиваю приятеля:

— Видишь?

— Вижу.

И мы невольно замираем от звука собственных голосов. Как-то не верится, что вот тут, рядом с нами, сидит на дереве чуткая лесная птица и даже не слышит нас.

Я опускаю ружьё и с наслаждением слушаю глухариную песню.

Пусть эти странные звуки даже и песней назвать нельзя, но ведь для охотника нет лучшей музыки, лучшей песни о том, что уже наступает весеннее утро в лесу.

Стрелять я не тороплюсь, стараюсь продлить эти минуты напряжения охотничьей страсти. Дичь не уйдёт. Достаточно вскинуть к плечу ружьё, нажать курок — и огромная птица тяжело шлёпнется на сырую землю.

Уже хорошо рассвело. На фоне зари чётко виднеется силуэт глухаря. Он похож на индюка. Распустил веером хвост, растопырил крылья и, задрав вверх бородатую голову, щебечет песню за песней.

Пора стрелять. Я хочу приподнять ружьё, и вдруг — о ужас! — чувствую, что мне что-то попало в нос, нужно чихнуть.

Стиснув зубы, я мучительно борюсь с собой, выжидаю, когда глухарь вновь запоёт. Запел. С облегчением чихаю раз, другой. Глухарь спокойно кончает песню.

— Будь здоров! — неожиданно раздаётся голос приятеля. Мгновение я даже не могу понять, что случилось.

Со страшным треском глухарь срывается с места, будто ныряет вниз, за ветви, и исчезает в лесу.

— Что ты наделал?! — вне себя от ярости кричу я товарищу.

— А что? — изумляется он. — Ты чихнул, а я тебе пожелал здоровья.

— Но ведь ты без песни его пожелал.

— Ой, милый! — хватается он за голову. — Прости меня. Совсем машинально. Привычка, знаешь...

Я с гневом и недоверием гляжу на друга.

Вид у него такой расстроенный, сокрушённый, только глаза будто смеются. Кто его разберёт!

СКАЗКИ СЛЕДОПЫТА

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Это случилось давным-давно. Прилетела с юга в наши края Весна-Красна. Собралась она леса зелёной листвою обрядить, на лугах пёстрый ковёр из трав и цветов раскинуть. Да вот беда: Зима никак уходить не хочет, видно, понравилась ей у нас гостить; что ни день, то задорней становится: закрутит пургу, метель, во всю мочь разгуляется...

— Когда ж ты к себе на Север уйдёшь? — спрашивает её Весна.

— Подожди, — отвечает Зима, — твоё время ещё не пришло.

Ждала, ждала Весна и ждать устала. А тут ещё все птицы и звери — всё живое взмолилось к ней:

— Прогони Зиму, заморозила нас совсем, дай хоть согреться на солнышке, поваляться в зелёной траве.

Опять Весна спрашивает Зиму:

— Скоро ли ты уйдёшь?

А Зима хитра, вот что придумала.

— Стара я стала, — отвечает Весне. — Все месяцы перепутала, не помню, когда мне срок настает в дальний путь собираться. Давай так решим: как запоёт по-весеннему первая птица, так, значит, я и отправлюсь на Север.

Согласилась Весна. Полетела она по полям, по лесам, созвала всех птиц, которые в этих краях зимовали, и говорит им:

— Запойте скорее весёлые песни! Зима, как услышит их, так и уйдёт отсюда.

— Это нетрудно! — с радостью согласились птицы. — Мы завтра же утром, как только выглянет солнце, так сразу и запоём.

Настало утро, поднялось солнце. Хотело на землю взглянуть, да не тут-то было: Зима затянула всё небо серыми тучами и ну давай посыпать поля и леса хлопьями снега. А потом как закрутит метелью, света белого не видеть.

Все птицы попрятались кто куда. А Зима и рада. Говорит Весне:

— Что-то не слышу я птичьей весёлой песенки? Значит, рано мне уходить. Поживу ещё месяц, а то и два.

И на другой, и на третий день всё непогода: то снег идёт, а то и дождь вместе со снегом.

«Как же Зиму прогнать?» — думают птицы.

Наконец самые озорные из них — воробьи — решили запеть. Не беда, что на воле холодно, сыро. Расчирикались воробьи за деревенской околицей, прямо удержу нет. Крылышки распускают, хвостики растопырили, наскакивают друг на друга, кричат, шумят, из кожи лезут вон — так стараются.

— Слышишь, как весело воробьи поют? — говорит Весна Зиме.

Но та и слушать не стала.

— Да разве это пение?! — ответила она. — У меня снегири

да клесты с утра до ночи в лесу кричат. Я это за пение не считаю...

Услышал их разговор пёстрый дятел и говорит Весне:

— Видно, без моей помощи никак не обойдёшься. Завтра же я за дело примусь: такой концерт в лесу устрою, любо-дорого будет послушать.

Согласилась Весна, ждёт с нетерпением — какой весенний концерт устроит в лесу пёстрый дятел.

Только долго ждать ей не пришлось. Едва рассвело, взлетел дятел на верхушку сухой сосны, уселся там поудобнее на её ствол, цепкими коготками за кору ухватился, опёрся на растопыренный хвост да как застучит клювом по сухому дереву. Далеко по лесу разнесло эхо барабанную дробь лесного барабанщика — дятла. И сейчас же с разных концов послышалась ответная трескотня. Все дятлы, как по команде, принялись барабанить, приветствуя приход Весны.

— Слышишь, как радостно дятлы меня встречают? Пора тебе уходить! — говорит Весна Зиме.

А Зима только рукой махнула.

— Послушай-ка, — отвечает, — как скрипят в бурю старые сосны и ели, ещё забавнее получается. Дятлы твои совсем петь не умеют, только ногами стучат. Какая же это песня?!

«Что правда, то правда», — вздохнула Весна. Решила она других певцов поискать.

— Давай-ка я попробую, — предложила синица, — мне ни снег, ни мороз не страшны. Пусть только солнышко выглянет, я сразу и запою.

Дождалась синица, когда солнце выбралось из-за туч. Начала она перепархивать с ветки на ветку, а сама звонким голоском распевает: «Чи-чи-ку, чи-чи-ку...» Ловко так у неё получается, будто серебряный колокольчик звенит.

— Слышишь, как хорошо синица поёт? — спросила Весна у Зимы. — Или ты и это за песенку не считаешь?

— Конечно, нет, — отвечает Зима. — Пойдём-ка со мною в лес, послушай лучше, как звенят сосульки на ветках, когда их качает ветер. Куда лучше выходит. Нет, это совсем не песня.

Хитрит Зима. Не хочет синицу настоящим певцом признавать. Что поделаешь, придётся искать другого.

— А если я попытаю счастья? — предложила свои услуги длиннохвостая серенькая овсянка. — Я всю зиму с воробьями на деревенских гумнах жила, а теперь перебралась на лесную поляну. Там я и спою свою первую песенку.

— Ну что ж, попробуй, — согласилась Весна.

И вот, как только настало утро, овсянка уселась на верхушку дерева и тоненьким голоском запела: «Зинь-зинь-зинь-з-и-и-и-и». Помолчала, передохнула немножко и снова: «Зинь-зинь-зинь-зиинииииии».

Простенькая получилась песенка, но зато какая хорошая, задушевная.

— Слышишь, как славно овсянка поёт? — сказала Весна Зиме. — Значит, пришла пора тебе в дальний путь отправляться.

Рассмеялась Зима:

— Ну и песенка, ну и певец! Да у меня в лесу корольки и пищухи с утра до ночи пищат. Я это за песню никак не считаю.

Загрустила Весна. К какому же ей певцу ещё обратиться? Уж и не знает, кого просить.

А тут, глядь, откуда ни возьмись, — тетерев-косач прилетел. С виду красавец: перья чёрные с сизым отливом, брови красные, хвост косицами на две стороны завивается. Сразу видно — лесной артист.

— Давно бы меня попросили, — сказал он Весне. — Я завтра чуть свет усядусь на сук старой берёзы да на весь лес и запою. И птицы, и звери — все моё пение хорошо знают.

Обрадовалась Весна: «Наконец-то настоящий певец нашёлся! Теперь Зиме уж не отговориться».

И вот только настало утро, с высокой берёзы раздался задорный крик тетерева. «Чу-фшшшшшш! Чу-фшшшшшш!» — шипел он, да так громко, что было слышно не только в лесу, но и в полях, и во всей округе.

— Ишь тетерев зачуфыкал, — говорили люди в соседней деревне, — значит, скоро тепло настанет.

Полетела Весна к Зиме.

— Слышишь как громко поёт в лесу тетерев. Люди в деревне толкуют, что это к теплу он так распелся, значит, пора тебе уходить восвояси.

— А какое дело мне до людей? — заносчиво отвечает Зима. — Ты заставь птиц петь по-весеннему, тогда я и уйду. А тетерев совсем не поёт, только шипит, как змея. Разве это можно песней назвать!

Ничего не ответила ей Весна. Улетела прочь, думает: что же дальше ей делать, какого певца найти, чтобы Зима опять не сумела отговориться. Много певцов имеется: славки, малиновки, соловьи... всех и не перечесать, только все они зимуют на юге. Теперь эти птицы ждут не дождутся, когда наконец в их родных краях растает снег, зазеленеет трава и можно будет снова к себе домой вернуться. Но пока вся земля покрыта снегом, пока в полях и лесах хозяйничает Зима, перелётные птицы боятся возвратиться на родину.

Так ничего и не смогла придумать Весна за весь день.

Опять наступила ночь, а за нею утро. Из-за дальнего леса медленно выплыло солнце. Оно осветило леса и поля, все белые — покрытые снегом. Только кое-где на пригорке ветер сдул белый наряд зимы. Там темнела мёрзлая, укрытая бурой прошлогодней травой земля.

Вдруг с одного из таких пригорков взлетела небольшая серая птичка — жаворонок. Взлетела, но не умчалась вдаль, вовсе нет.

Она затрепетала крылышками и стала медленно подни-

маться всё выше и выше. И вот оттуда, с голубой высоты, полилась на землю радостная звенящая песня.

В этой песне слышался и тихий звон весенней капли, и журчание хлопотливого ручейка, и ещё что-то такое светлое, радостное, чего словами и передать нельзя.

Далеко-далеко разнеслась песня жаворонка по полям, по лугам и даже по глухим лесным трущобам.

Заслышав эту весеннюю песню, торопливо полезли из своих норок, из щёлок, из трещинок все, кто скрывался от лютого зимнего холода. Жучки, паучки, букашки выбирались на солнышко, грелись там, расправляли крылышки, усики, ножки...

Вылез из норы и толстый лентяй барсук. Даже огромный медведь заворочался с боку на бок в своей берлоге.

Все звери, и птицы, и крохотные букашки слушали песню жаворонка и все, наверное, думали об одном: о том, что сейчас уже не страшна лютая стужа, что нечего было её и бояться, потому что всегда вслед за зимним ненастьем наступают светлые вешние дни.

А жаворонок всё пел, поднимаясь выше и выше. Яркое солнце осветило его, и теперь он уже казался с земли не серенькой птичкой, а золотой звёздочкой, вторым крохотным солнышком, рождённым самой землёй.

— Что же, и это не песня? — спросила Весна Зиму.

Но Зима ничего ей не ответила, только рукой махнула. Она уже отправлялась в далёкий путь.

САМЫЙ УПРЯМЫЙ

Ранним апрельским утром проснулось солнышко, отдёрнуло лёгкую кисею облаков и взглянуло на землю. А там за ночь зима да мороз свои порядки понавели: свежим снегом равнины, холмы укрыли, а в лесу, на сучьях деревьев, развесили гирляндами ледяные сосульки.

Ребятишки последнему снегу радуются, смеются, шалят, в снежки играют.

Поглядело солнышко на эти проказы зимы и говорит: «Ну,

погоды, теперь-то с тобой я живо управлюсь!» Да как начало землю пригревать, сразу и снег и лёд растопило.

Вот в лесу по ложбинке побежал весёлый говорливый ручеёк, побежал и запел свою звонкую песенку:

Я лежал в лесу и в поле
Белоснежной пеленой.
Не сидится детям в школе,
Прибегут играть со мной.

Я в мороз висел сосулькой,
Был колючий, как кинжал,
А теперь запел, забулькал,
По ложбинкам побежал.

Вдруг на своём пути ручеёк заметил под корнями старой берёзы глубокую норку. «Дай-ка я загляну в неё!» — решил ручеёк и тихонько зажурчал, пробираясь между корнями.

А в глубине этой норки сладко спал, свернувшись в клубок, сердитый колючий ёжик.

Он ещё с осени разыскал это укромное местечко между корнями, натаскал туда моху, опавших листьев, закутался в них поплотнее да заснул на всю зиму.

Он бы, наверное, ещё поспал недельку-другую, да только не удалось: холодный ручеёк забрался в его тёплую сухую постель, сразу разбудил ежа.

— Это ещё что за безобразие, кто меня будит, поспать не даёт?! — сердито заворчал ёж.

Но ручеёк его вовсе не испугался, ведь ёжик никак не мог уколоть его острыми колючками.

Вот поэтому ручеёк так же весело продолжал петь озорную песенку:

Загляну в лесные хатки,
В заповедный уголок.
Кто играл с зимою в прятки,
Полно прятаться, дружок.

Просыпайся поскорее,
Вылезай на вольный свет.
Солнце греет горячее,
Злой зимы растаял след.

— Ох, какой ты несносный! — продолжал ворчать ёжик. — Бр-ррр, какой ты мокрый, холодный! — И ёж поскорее выбрался на волю из своего зимнего убежища.

А в это время в лесу уже хозяйничала весна. Вместе с солнышком они прогнали на север злую зиму и убирали лес по-новому, по-весеннему.

Всюду темнела влажная оттаявшая земля. А на открытых полянах, на самом припёке, даже начинала зеленеть первая молодая травка.

По кустам и деревьям распевали птицы: яблики, дрозды, скворцы... И свежий ветерок разносил по лесу тончайшие весенние запахи. Пахло согретой землёй, набухшими древесными почками и свежей, едва появившейся зелены.

Ёж выбрался на лесную поляну, почесал лапкой один бок, потом другой, стряхнул с себя приставшие за зиму сухие листья и с удивлением огляделся по сторонам.

— Ничего не пойму, — проворчал он. — Вчера, когда я ложился спать, лес был совсем не такой: на земле лежали опавшие листья, трава была серой, засохшей. И небо совсем другим, всё в низких, дождливых тучах. А теперь — солнышко светит, птицы поют, трава зеленеет. Чудеса, да и только! Наверное, я со вчерашнего дня хорошо поспал.

— Да, ты поспал на славу! — рассмеялась, прыгнув с ближайшей сосны, весёлая белка.

Но ёж и её не сразу узнал: какая-то на ней была странная, будто изорванная одежда, вся в разных заплатках — то ли серая, то ли рыженькая.

— Что это ты сегодня как плохо оделась? — спросил он белку. — Всё лето была такая гладенькая, рыженькая, а теперь будто кто тебя пощипал. Уж не побывала ли в зубах у лисицы или в когтях у ястреба?

— Нет, — весело отвечала белка, — это я линяю, хочу поскорее сменить зимнюю серую шубку на летнюю рыженькую

одежку. В такой одежке ты меня раньше и видел. Она по-прохладнее зимней.

— А зачем же ты в тёплую шубку переодевалась? — не понял ёж.

— Как — зачем? — в свою очередь удивилась белка. — Да в летней одежке зимой замёрзнешь. Ты даже не знаешь, как зимою бывает холодно, когда начнутся морозы, метели и всю землю укроет глубокий снег. Б-ррр, как тогда плохо в лесу.

— Зима, снег!.. — улыбнулся ёжик. — Ну чего ты только, врунишка, не выдумашь. Ничего подобного я не видывал. Это тебе всё, верно, приснилось.

— Ах ты, глупый! — всплеснула лапками белка. — Вы только, друзья, послушайте, что он говорит: зима мне приснилась! Да она не мне, а тебе, лентяю, присниться могла. Ты же с осени до самой весны в норе проспал.

— А ты разве никогда не спишь? — хитро улыбнулся ёжик. — А помнишь, как ты на солнышке пригrelась, уснула да чуть было ястребу на обед не попалась. Я бы тоже мог тогда рассказать, что, пока ты спала, зима приходила и снегом землю укрывала. Мало ли что я бы смог сочинить. Только я таких глупостей никогда не делаю, потому что я умней и солидней вас всех и врать не люблю.

И ёжик, чтобы придать себе ещё больше важности, запыхтел и захрюкал, как поросёнок.

— Ну и чудак! — не унималась белка. — Ты умней всех, а меня и слушать не хочешь. Хорошо же, сейчас я твоего приятеля — зайца сюда позову, может, он тебя убедить сумеет.

Белка вскочила на соседнюю сосенку, огляделась кругом и закричала:

— Зайка, зайка, беги скорей, послушай, что тут глупый ёжик рассказывает!

Заяц в два прыжка прискакал на лесную поляну. Присел, насторожил уши.

— В чём тут дело?

Поглядел на него ёжик и даже рассмеялся. У зайца на боках, поверх бурой одежки, виднелись какие-то белые заплатки.

— Ну и хорош франт, нечего сказать! — воскликнул ёж.

— Не смейся надо мной, — слегка обиделся заяц. — Это я

линяю, белую зимнюю шубку сбрасываю, в летнюю одежду переодеваюсь. Зимой белая тёплая шубка меня от мороза, от ветра спасала и от глаз врагов прятала. Улягусь, бывало, под кустиком, лежу тихо, не шевелюсь, вот меня, белого, на белом снегу и незаметно.

— И он про какую-то зиму, про белый снег сказки рассказывает! — возмутился ёжик. — Вы, верно, приятели, сговорились меня дурачить. Только меня не обманешь. Раз я, ёжик, ни зимы, ни морозов, ни снега не видал — значит, их и не бывает. Всё это сущие выдумки.

— Что ты, ёжик, что ты! — возмутилась, прыгая с ветки на ветку, непоседа синичка. — Да как же ты говоришь, что зимы не бывает? Зима — это самое страшное время. Зимой очень холодно, голодно. Я в этом году чуть-чуть с голодухи не умерла. Спасибо деревенским ребятам: они устроили для меня бесплатную столовую. Я каждый день к ним в деревню летала обедать, поклую хлебных крошек, зёрнышек конопли и обратно в лес улетаю. Так всю зиму и прожила, не голодала.

— Всё это выдумки, всё это вздор! — упрямо твердил

ёжик. — Какую ты там столовую ещё придумала. Вот я ловлю себе на обед разных жучков, червячков, личинок. Наемся и сыт, и никакая столовая мне не нужна, значит, её и не бывает.

И ёжик, очень довольный тем, что он умней всех, что он так ловко отделал этих глупых лесных врунишек, не спеша потрусил по поляне поискать себе на обед жучков, червячков.

А синичка задорно запела ему вслед:

Ты самый упрямый,
Ты самый смешной,
Ты спал под корнями
Холодной зимой.

Метели не видел,
Мороза не знал,
Не будь же в обиде,
Что зиму проспал.

Но ёжик её и слушать не захотел. Он бежал не спеша по лесной поляне.

И вдруг, что за диво?! Прямо перед ним из круглой земляной норки начала выпирать свеженарытая земля. Выпирает и тут же рассыпается, всё больше и больше. Глядь, уж над самой норкой целый земляной холм вырос.

«Кто же это так трудится, землю из глубины на поверхность выталкивает?» — заинтересовался ёжик. Он приблизился к самому холмику, заглянул в норку и громко окликнул:

— Эй, кто там под землёй работает?

— Это я, зверёк-землекоп, — ответил ему голос из норки.

— А как тебя зовут? — спросил ёжик. — И зачем ты землю наружу выбрасываешь?

— Зовут меня крот, — отвечал зверёк-невидимка. — А землю выбрасываю я затем, чтобы прочистить свои охотничьи ходы. Я день и ночь по ним под землёю бегаю, охочусь на разных жучков, червячков, которые тоже в земле живут. Они заползут невзначай в мою норку, а я их поймаю и съем.

— И я червячков и жучков ловлю! — радостно ответил ёжик. — Только ловлю их не в норке, а прямо среди травы.

— Вот и отлично, — одобрил крот. — Значит, мы друг другу сродни приходимся: оба охотники за жучками, за червячками.

— Верно, верно, — согласился ёжик. — Давай, приятель, поближе с тобой познакомимся. Вылезай ко мне на полянку.

— Ох, не люблю я из норы вылезать, — отвечал крот. — Ну да уж ладно, сейчас выберусь. — И он выполз из своего подземного убежища.

Ёжик стал разглядывать нового знакомого.

— Какие у тебя забавные передние лапы, — удивился он, — широкие, будто лопаточки, и вывернуты в разные стороны! Как же ты на таких лапах по земле бегаешь? Наверное, сразу в траве запутаешься?

— Поэтому я и не люблю на поверхность земли выбирать, — ответил крот. — Мои лапы служат мне совсем для другого. Бегать на них по земле трудновато, зато рыть ими землю очень удобно. Ты, ёжик, ещё на рыльце моё погляди. Смотри, какое оно длинное, узенькое. Я им, словно буравчиком, в мягкую землю врываюсь, а потом её передними лапами в стороны отгребаю. Так и рою свои подземные ходы, в них днём и ночью добычу ловлю.

«Вот это настоящий охотник, настоящий, солидный зверёк! — с уважением подумал ёжик. — Это не то что врунишки заяц и белка или непоседа синичка. Спрошу-ка его — видел ли он когда-нибудь зиму и белый снег?»

— Какой такой белый снег? — удивился слепой крот. — У меня в норе всегда темно и кругом только одна земля. Никакого снега я и знать не знаю.

— А знаешь ли ты, что такое ледяной ветер, метель? — спрашивал ёжик.

— И об этом я слышу в первый раз, — отвечал крот. — У меня в норе никогда не бывает ни метели, ни ветра.

«Ну, наконец-то я встретил солидного, умного зверька!» — вздохнул с облегчением ёжик.

— С тобой и поговорить приятно, — сказал он кроту. —

Мы с тобой, братец, всё видим, всё знаем, я на земле, а ты под землёй. Нас никто не обманет.

И ёжик, протившись со своим новым знакомым, затрусил дальше по полянке.

Он совсем и не слушал того, что ему свистели, трещали и пели разные птицы: синицы, щеглы, корольки. А они, сидя на ветках кустов и деревьев, распевали ежу свою задорную песенку:

Эту песенку должны мы
Спеть тебе, упрямый ёж.
Ты, лентяй, проспал всю зиму
И зимы не признаёшь.

Крот слепой — плохой советчик,
Белый свет он не видал,
Но тому поверить легче,
Кто тебе не возражал.

Ох, упрямство — это горе,
До добра не доведёт,
Кто без толку вечно спорит,
В наказание слёзы льёт.

Но ёжик всех лесных обитателей, кроме своего нового друга — крота, считал либо дурачками, либо врунишками.

Ёж подбегал уже к кустам на другой стороне поляны, как вдруг из них навстречу ему не спеша, как бы нехотя, вышла плутовка Лиса Патрикеевна. Она давно караулила добычу и была очень голодна.

Сидя в кустах, лиса отлично слышала, как ёжик спорил с белкой, с зайцем, с синицею. Плутовка слушала да посмеивалась над глупым ежом. «Ну, попадись мне только этот упрямец, я ему такой «снежок» покажу, что сразу глазки зажмурит!»

Увидя подбегавшего к кустам ежа, лиса скорёхонько вышла к нему навстречу.

— Добрый вечер, дружок, — ласково сказала она. — Ку-

да спешишь, зачем торопишься, разве не знаешь пословицы: «Поспешишь — зверей насмешишь».

— Ничего и знать не хочу, — заворчал ёжик, сворачиваясь в колючий клубок. — Уходи от меня, лиса, а то весь нос исколю.

— Ох, какой ты сердитый! — таким же певучим ласковым голосом протянула лисица. — Да ты, дружок, не бойся меня, я тебя не съем, я сегодня сытая-пресытая.

Она села возле ежа и продолжала:

— Лежала я вот тут, под кустиком, дремала после обеда да слушала болтовню глупых птиц и зверей, как они тебя одурачить хотели, про какую-то зиму, про белый снег рассказывали. — Лиса на минуту примолкла, вздохнула и заговорила сладким голоском: — Здорово ты им, дружок, отвечал, всех переспорил, вот уж умница, вот молодец!

Ёж был доволен похвалой лисицы. Он даже перестал сердито пыхтеть, но разворачиваться всё же побаивался.

А лисица, передохнув минутку, опять продолжала:

— Переспорить-то ты их переспорил, а всё-таки не доказал, что они все врут и над тобой подсмеиваются.

— А как же им ещё доказать? — спросил ёж.

— Очень просто, — отвечала лиса. — Они тебе что говорили? Когда зима наступает? Когда белый снег на землю ложится? Тогда, когда ты уснёшь. А почему, говорят они, ты, дружок, ни зимы, ни снега не видел? Потому, что спишь под корнями в норе, да ещё в листьях, в мох закутаешься, да ещё в клубочек свернёшься. А я вот что тебе посоветую: попробуй сейчас задремать. Только в норку не залезай, листьями не укрывайся и в плотный клубок не сворачивайся. Ляг на спинку, вот тут на поляне, животик на солнышко выстави и усни. Если твои дружки не врут, значит, как только ты уснёшь, так зима и заявится, холодный снег тебе на животик посыплет, ты и проснёшься. А коли дружки твои всё наврали, коли зимы никакой и в помине нет, ты на солнышке выспишься, вот и всё. А я пока в лес побегу, некогда мне. Прощай, дружок! — И лиса, облизнувшись, скрылась в кустах.

— Это, пожалуй, дело Патрикеевна говорит, — решил глупый ёж. — Не буду в колющий клубок сворачиваться, лягу на спину и засну. Посмотрим, придёт ли зима, посыплет ли мне на брюшко холодный снег? Конечно, она не придёт! То-то буду я потом над всеми лесными врунишками и дурачками подсмеиваться!

Ёж развернулся, лёг на спину, подставив вечернему солнцу своё брюшко, и задремал.

Напрасно с ближайших кустов и деревьев на разные голоса ему пели, кричали, чирикали и свистели птицы:

Еж, не верь словам лисицы,
Лучше верь друзьям своим.
Дятлы, сойки и синицы —
Мы добра тебе хотим.

Ты плутовки злой не слушай,
Поплотней свернись в клубок,
А не то лисе на ужин
Попадёшь, как колобок.

Но ёжик их даже и не слышал. Он сладко заснул, растянувшись на солнышке.

А вот пришла ли к нему во сне зима или не приходила, об этом наш ёжик так никогда и не узнал. Потому не узнал, что к утру от него осталась только одна колючая шкурка.

ХИТРАЯ ПТИЦА

Пришла весна. Растаял снег. Из южных стран вернулись перелётные птицы.

— Скорей, скорей домой! — кричали они на все лады, топча в родные края.

С их прилётом поля и леса сразу ожили. Сколько повсюду песен, свиста, крика!

Над полем высоко в небе, словно серебряные колокольчики, звенели жаворонки.

В лесу заливались пеночки, зяблики, соловьи... Всех певцов и не перечесть.

У некоторых птиц и голоса-то для пения нет, но и они тоже от других не отстают, стараются, кто как умеет.

Длинноносый кулик-бекас взлетел над болотистой низиной, а оттуда — стрелой вниз. Несётся к земле, сам хвост вером растопырил. Перья в хвосте у него жёсткие, колеблет их ветер, будто на струнах играет. Здорово получается, словно барашек в небе заблеял: бе-э-э-э!.. Так бекас на собственном хвосте и разыгрывает в воздухе свою весеннюю песенку.

А пёстрый дятел уселся на самый верх сухой, сломанной ёлки да как начнёт колотить клювом по дереву: тррррр, тррррр! Далеко разносится по лесу частая барабанная дробь.

Так разные птицы, каждая по-своему, но все одинаково радостно приветствовали весну.

Но, радуясь приходу весны, птицы не забывали и о другом, о самом главном: что настала пора вить гнёзда, нести в них яйца и выводить птенцов.

Разлетелись птицы по рощам, садам и лесам, каждая присмотрела себе для гнезда подходящее место.

Одни кукушки совсем и не думали об устройстве гнёзд. Прилетели они в наши края довольно поздно, уж почки на берёзах полопались. Но, возвратившись в родные леса, кукушки не торопились заняться делом. С утра до вечера они только и знали, что играть друг с другом в прятки. Одна спрячется в самую чащу и кричит оттуда: «Ку-ку, ку-ку!» А другая летает по лесу, ищет её.

В таких играх и не заметили, как весна почти уж прошла; скоро пора детей выводить, а у них и гнёзд ещё нет. Как быть?

Посоветовались кукушки между собой и решили: «К чему нам зря трудиться, гнёзда вить? Попросим лучше других птиц, чтобы те разрешили подложить яйца в их гнёзда. Не всё ли птицам равно, сколько яиц насиживать? Одним больше, одним меньше, никакой разницы нет».

Вот одна из кукушек и полетела чужие гнёзда разыскивать. Подлетела к старой берёзе, глядит — на толстом суку возле ствола что-то темнеет, будто древесный нарост. Начала кукушка его разглядывать — да это вовсе и не нарост, а птичье гнездо. Ловко оно устроено: свито из тонких прутиков, из сухих прошлогодних стеблей. А чтобы кто-нибудь из врагов гнездо не заметил, в стенки его вплетены лишайники разные, те самые, что на деревьях растут; и ленточки берёзовой шкурки тоже в стенки гнезда вплетены. Хорошо замаскировано гнёздышко, не скоро его заметишь.

«Чьё же это жилище?» — заинтересовалась кукушка и подлетела совсем близко к берёзе.

— Тебе что здесь нужно? — недовольно спросила птичка зяблик, выглядывая из гнезда.

— Мне надо яйцо снести, а гнезда нет, — отвечала кукушка. — Разреши снести яйцо в твоё гнездо. Ты всё равно свои яйца высидишь, птенцов выводишь, заодно и моего вместе с другими выведешь.

— Что ты, что ты! — запротестовала птичка зяблик. — У меня и так в гнезде много яиц. Я еле-еле с ними справляюсь, а ты ещё хочешь добавить. Нет, лети лучше подальше в лес, может, кого-нибудь из птиц и уговоришь вывести за тебя детей.

Нечего делать, полетела кукушка дальше.

Смотрит — на полянке густая липа стоит, а на концах ветвей у неё покачивается плетёная корзиночка.

«Вот так находка! — обрадовалась кукушка. — Значит, и трудиться строить гнездо не нужно». И она уже хотела забраться внутрь.

Вдруг из «корзиночки» показалась головка иволги.

— Ты зачем к моему гнезду подбираешься? — рассердилась она.

— А я и не знала, что это твоё гнездо, — отозвалась кукушка. — Не бойся, я не собираюсь у тебя его отнимать. Позволь мне только снести туда одно яичко.

— Не позволю! — возмущённо ответила иволга. — Потрудись-ка лучше, сама устрой гнездо, тогда и неси в него свои яйца.

— Нет, мне что-то не хочется своё гнездо устраивать, — покачала головкой кукушка и умчалась прочь.

Летает она по лесу, каждое дерево, каждый кустик осматривает. Глядит — на склоне оврага растёт дикая яблоня, во все стороны сучья раскинула. А в самой развилке сучков темнеет птичье гнездо. Да так хорошо, прочно оно устроено, все стенки даже глиной промазаны.

Хотела кукушка поближе к нему подобраться, но тут ей навстречу дрозд. Летит, а сам шумит, трещит на весь лес:

— Уходи отсюда! Зачем прилетела? Разве не видишь, здесь наше гнездо!

Стала просить кукушка дрозда разрешить ей снести в его гнездо своё яичко. Но дрозд и слушать не хочет. Знай кричит:

— Почему ты сама гнездо не въёшь, зачем по чужим шагаешься?!

Так и прогнал.

Не знает кукушка, куда же ей дальше лететь, кого ещё попросить. Уж очень не хочется ей самой за устройство гнезда приниматься. Полетела она ещё дальше по лесу да и присела слегка отдохнуть на сухую осину.

Смотрит — в стволе круглая дырочка. Заглянула туда, а внутри ствола дупло выдолблено, а в нём тоже гнездо. Сидит в гнезде пёстрая птица дятел, сидит, яйца насиживает.

— Здравствуй, дятел! — сказала кукушка. — Разреши мне в твоё гнездо яйцо подложить.

— А почему ты сама дупло не выдолбишь? — спросил дятел. — Здесь много сухих деревьев. Хочешь, я тебе покажу?

— Нет, я дупла долбить не умею, — недовольно ответила кукушка. — К чему мне трудиться? Я и так в чужие гнёзда свои яйца пристрою.

— Ну, тогда убирайся отсюда, если ты такая лентяйка! — рассердился дятел. — А то я как вылечу из дупла, живо тебя прогоню!

Но кукушка не стала этого дожидаться и быстро шмыгнула в кусты орешника.

А под кустом, на земле, среди сухой травы и прошлогод-

них опавших листьев, тоже гнездо устроено, да такое уютное, аккуратненькое, свито оно из сухих стебельков.

В гнезде сидит буроватая птичка. Прижалась, и не видеть её, будто тёмный прошлогодний листок; рядом пройдёшь — не заметишь. Но зоркая кукушка вмиг разглядела затаившуюся в гнезде птичку и подлетела к ней.

— Как тебя звать? — спросила она.

— Меня зовут соловей, — ответила птичка. — А что тебе от меня нужно?

— Совсем пустяки, — небрежно ответила ей кукушка. — Будь добра, слети на минутку с гнезда, а я туда своё яйцо положу. Яйцо у меня маленькое, никакого места в твоём гнезде не займёт, зато ты окажешь мне большую услугу — вместе со своими птенцами и моего кукушонка выведешь.

— Но позволь, — удивилась птичка, — а почему же ты сама не вьёшь гнезда и не водишь детей?

— Я, знаешь, не очень люблю с этим делом возиться, — призналась кукушка.

— Не любишь о детях заботиться? — возмутилась птичка. — Делай тогда как

знаешь, а я и слушать тебя не хочу! — И она сердито отвернулась.

«Куда же теперь лететь, кого же ещё просить? — даже растерялась кукушка. — Видно, никто из птиц добровольно не согласится насиживать мои яйца, выкармливать моих кукушат, придётся пуститься на хитрость».

И вот кукушка начала осторожно перелетать с дерева на дерево, прячась за ветки. Перелетает, а сама выглядывает, нет ли такого гнезда, с которого птичка-хозяйка слетела, чтобы поесть или крылышки поразмять. Летала, летала и натолкнулась наконец на пустое гнездо. Оно было устроено в широком дупле старой ольхи. Кукушка воровато оглянулась по сторонам: птички — хозяйки гнезда — поблизости не было видно.

«Ну, нечего время даром терять», — решила плутовка.

Снесла яйцо и быстро подложила его в гнездо. В нём уже лежало несколько яиц.

«Пускай выводит и моего птенца, — подумала кукушка, — а я тем временем поищу другие гнёзда и в них тоже положу по яичку».

Так она и сделала. Выбрала удобное время, когда птицы отлучались от гнёзд, и разложила по ним свои яйца. Теперь всё было в порядке: яйца по чужим гнёздам разложены, значит, другие птицы выведут из них кукушат, будут кормить их, охранять от врагов, а кукушке не о чем и заботиться, может снова летать по всему лесу и ловить на завтрак и на обед мохнатых гусениц. Этих гусениц прочие птицы почти не ловят. Одни кукушки до них охотницы.

Разбросав яйца по чужим гнёздам, кукушка ни разу и не подумала о том, что с ними будет дальше, ну хотя бы с самым первым из них, которое она отложила в дупло старой ольхи.

А случилось с ним вот что.

Хозяйка гнезда в дупле — серая мухоловка — вскоре вернулась насиживать яйца. Она, конечно, и не заметила, что у неё в гнезде прибавилось ещё одно яичко. Ведь кукушкины яйца маленькие, пёстренькие, очень похожи на яйца других мелких птиц.

Много дней серая мухоловка упорно сидела в гнезде. Наконец из яиц вылупились голые, слепые птенцы.

Сперва они только беспомощно копошились в гнезде, но потом чуточку поокрепли и начали поднимать головки, широко раскрывали рты и пищали, прося, чтобы родители их накормили.

Немного позднее других из пёстренького яйца вылупился последний птенец. Он был крупнее других и ужасный непоседа: всё время ворочался в гнезде, расталкивая своих сестёр и братьев.

— Ах, какой он бедовый! — говорила, любуясь птенцом, птичка-мать своему дружку, серому мухолову.

— Очень шустрый! — одобрительно кивнул головкой папа-мухолов. — Вот посмотришь, он самый первый начнёт летать, ловить мушек и комаров. Но и другие детки тоже молодцы, — добавил он. — Видишь, как они поднимают головки и открывают рты!

Однако любоваться птенцами родителям было некогда. Попробуй-ка накорми этих горластых обжор!

С утра до ночи взрослые мухоловки летали по окрестным рощам, ловили мушек и кормили своих ненасытных птенцов. А в гнезде тем временем творилось что-то неладное — птенцов в нём оставалось всё меньше и меньше. Но птички-родители не умели считать и не примечали каждого птенчика, да и где тут приметить, успевай только подлетать к гнезду и совать в открытые рты комаров да мошек. А сколько открылось ртов — кто их знает.

Но куда же девались птенцы из гнезда? Уж не повадился ли туда какой-нибудь хищный зверёк? Нет, в гнездо мухоловок никто из зверьков не лазил. Происходило в нём вот что. Шустрый птенец, тот, что вылупился из яйца самым последним, оказался отчаянный буян. Он всё время возился в гнезде и подлезал под других птенцов. Подлезет, а потом поднатужится, приподнимется да и выпихнет птенчика за край гнезда. Одного выпихнул, другого, третьего... Попадали они на землю в густую траву, а там их сразу же разыскал обжора ёж. Ему только подавай еду: лягушка ли попадётся, мышонок или птенец — всё равно съест.

Вскоре непоседа птенец повытолкал из гнезда всех своих сестёр и братьев. Один остался. Но птички-родители и тут ничего не заметили. Подлетают к гнезду, а оттуда навстречу высовывается огромный рот птенца-великана.

— Есть, есть, давайте еду! — кричит птенец.

Птички из сил выбиваются, никак обжору своего не кормят. Сами диву даются: «Вот так сынок растёт! Богатырь, да и только». Уж он еле-еле один в гнезде умещается. Родителям даже сесть негде, чтобы птенца покормить. Приходится садиться ему прямо на спину. А он голову задерёт, рот разинет: корми, мол, меня, очень есть хочется.

Прошла неделя, другая, оперился птенец-великан да и марш из гнезда. Сел на ветку, опять есть просит.

Кормят его птички-родители, кормят да радуются — какого сына вырастили: втрое больше самих!

Только однажды пролетал мимо зяблик, присел на веточку отдохнуть, мухоловки ему и хвастаются:

— Взгляни-ка на нашего малыша, каков молодец!

Взглянул на птенца зяблик и ахнул:

— Да ведь это же кукушонок! Кормили-то вы не своего птенца, а подкидыша.

— А ты почём знаешь? — заволновались мухоловки.

— Как мне не знать — и со мною кукушка такую же штуку выкинула, и я вместо своих птенцов кукушонка кормил!

Рассердились птички, бросились к дереву, где их птенец-великан сидел, а его и след простыл. Окреп он за эти дни, возмужал да и улетел себе в лес ловить страшных мохнатых гусениц.

Собрались все птицы вместе, и решили они: как увидят кукушку, гнать её прочь из леса. Только попробуй-ка прогони — кукушка ведь хитрая, заберётся в самую чашу да отту-да ещё и дразнится: «Ку-ку, ку-ку!»

Никак её птицы найти не могут.

СЧАСТЛИВЫЙ ЖУЧОК

Был тёплый весенний вечер. Бабушка Дарья вышла из дома и уселась на крылечко. Этого только и ждали ребята. Будто воробы, слетелись они с разных концов деревни.

— Бабушка, расскажи что-нибудь поинтереснее, — затараторили они.

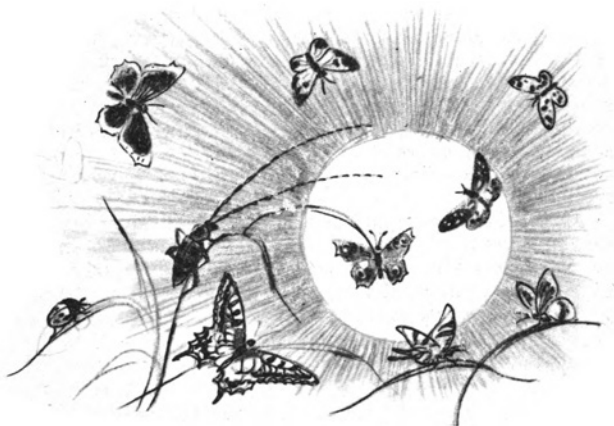
Старушка поглядела на ребят ласковыми, поблёкшими, как осенние цветы, глазами, подумала и сказала:

— Хорошо, я расскажу вам сказку про счастливого жучка-червячка. А вы сидите и слушайте. Вот как это было.

Прилетела на землю Весна. Принесла с собой много-много разноцветных шелков, чтобы украсить ими леса и луга, чтобы одеть бабочек и жучков, чтобы всё кругом выглядело нарядно и празднично.

Попросила Весна Красное Солнышко:

— Согрей получше землю. Разбуди всех, кто спал крепким сном всю долгую зиму. Пусть выбирают из своих трещинок, щёлок.

Пригрело Солнышко землю. Вылезли разные насекомые, кто из щели, кто из земляной норки, кто из-под древесной коры, и все поползли, побежали, полетели на просторную лесную поляну. Там их ждала Весна со своими разноцветными шелками, золотыми, серебряными нитями и другим убранством.

Явились бабочки и жуки на полянку. Увидела их Весна и говорит:

— Вот я к вам прилетела с тёплого юга. Какие хотите вы получить от меня подарки, чтобы они доставили вам радость и счастье, чтобы вы могли весело летать и бегать по полям и лесам?

Тут все бабочки и жуки сразу заговорили:

— Видишь, Весна, как потёрлись, испачкались за осень и зиму наши крылышки, какие мы все некрасивые. Дай нам яркие, нарядные одежды, тогда мы разлетимся в разные стороны, будем кружить над цветами, радоваться твоему приходу, тогда мы будем по-настоящему веселы и счастливы.

— Хорошо, — ответила им Весна и начала наряжать каждого из пришельцев.

Бабочке-белянке дала она ярко-белое платье. Лимоннице — нежно-жёлтое, как золотистый осенний листок. Бабочку-траурницу убрала в чёрный бархат с белой каёмкой по концам крыльев. Мотыльков, что кружатся возле весенних луж, одела она в голубую лёгкую кисею. А вот весёлая бабочка-крапивница выбрала себе пёстренькое платье, красноваторыжее, с тёмными и голубыми крапинками.

Решили принарядиться и важные, степенные жуки. Майский жук оделся в костюм шоколадного цвета, жук-носорог — в коричневый да ещё присадил себе в виде украшения на голову длинный рог. Навозный жук выбрал тёмно-синий костюм. Дольше всех никак не мог подыскать подходящую одежду жучок-бронзовка. Наконец надел на себя золотисто-зелёный кафтан, такой нарядный, что, как только выбрался в нём на солнце, так и заблестел в его лучах.

Много ещё красивых одежд раздала Весна разным бабочкам, жукам, проворным стрекозам и весёлым скакунам-кузнечикам. Кузнечики захотели одеться во фракы под цвет тра-

вы. А сердитые шмели и осы нарядились в жёлтые курточки с чёрными поясками.

— Ну, кажется, всем я угодила, — сказала Весна, — теперь все довольны, могут летать кто куда хочет и радоваться солнечному теплу.

В это время набежал ветерок, зашелестел в ветках деревьев, приподнял с земли прошлогодний завядший лист.

Заглянула Весна под листок и увидела там маленького невзрачного жучка. Он и на жучка-то был не похож, скорее походил на какого-то бурого червячка.

— Кто ты такой? — спросила его Весна. — Как тебя звать?

— Меня зовут ивановым червячком, — ответил ей незнакомец.

— Почему же ты сидишь под листом, не вылезаете отсюда? Разве ты не хочешь получить от меня красивый наряд? Разве не хочешь быть довольным и счастливым?

Жучок-червячок взглянул на Весну, подумал и ответил:

— А мне и так хорошо, я и так счастлив, счастлив тем, что наступило тепло и всё кругом ожило, радуется твоему приходу. Мне не надо яркого платья — я ведь ночной жучок, я выползаю из-под листы, когда уже стемнеет и в небе зажгутся первые звёзды. Зачем мне красивый наряд? Я счастлив тем, что живу в родном лесу. Спасибо тебе, Весна, что ты так красиво его одела. Больше мне от тебя ничего не нужно.

Удивилась Весна, что этот скромный жучок ничего для себя от неё не просит. А потом подумала и поняла: да ведь он-то и есть самый счастливый. Он радуется не за себя одного, а за всех, радуется и живёт одним общим счастьем.

И тут же решила Весна: «Подарю я ему крохотный голубой фонарик. Пусть он зажигает его каждый вечер и светит всю ночь. Пусть этот фонарик горит, как яркая звёздочка в тёмной ночной траве, и напоминает обитателям леса о том, что счастье никогда не меркнет, даже в самую тёмную ночь»...

Вот и сказке конец, — улыбнулась бабушка Дарья. Она

замолчала, глядя вдаль за околицу. Там, за рекой над синим простором лугов, уже загорались первые звёзды.

Ребята тоже притихли. О чём они думали? Может быть, о счастливом ивановом червячке, который, наверное, уже выбрался из-под увядшей листвы и зажигает в ночном лесу свой неяркий голубой огонёк. А может, о том, как хорошо уметь в жизни радоваться за других, радоваться и знать, что твоя звёздочка освещает не только твоё, но и чужое счастье.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Чему научила сказка	3
Длиннохвостые разбойники	8
На пороге весны	10
Заботливая мамаша	12
Белый кораблик	14
Ранние	20
Зелёный шум	25
Неожиданное знакомство	28
Здравствуй, весна!	33
На разливе	41
Соловиная дудочка	47
Загадочная находка	51
Наседка	55
Старый блиндаж	58
Чудо техники	62
Полуночник	65
Удачная охота	68
Аистята	76
Лебеди	79
Домик в лесу	84
Будь здоров!	92

Сказки следопыта

Весенняя песня	100
Самый упрямый	105
Хитрая птица	115
Счастливый жучок	123

Для начальной школы

Скребицкий Георгий Алексеевич

ВЕСЁЛЫЕ РУЧЬИ

Рассказы и сказки

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская.*

Художественный редактор *Н. И. Комарова.*

Технический редактор *Л. П. Костикова.*

Корректоры *Т. П. Лейзерович* и *З. С. Ульянова.*

Сдано в набор 26/XI 1968 г. Подписано к печати 12/V 1969 г. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9,36. (Уч.-изд. л. 7,23). Тираж 100 000 экз. ТП 1969 № 202. Цена 34 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва-центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ 589.

